

Книга Авроры

Кейси Доуз

Кейси Эшли Доуз

Книга Авроры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65943965

SelfPub; 2023

Аннотация

После смерти бабушки, которая последние годы была не в себе, Атиль находит ее странный блокнот с описанием мира "после". Но, погибнув в автокатастрофе, она попадает в этот самый мир, который оказался совсем не плодом ее воображения.. Ангелы, демоны, погибшая бабушка и множество тайн, скрывающихся под покровом Поднебесья. Сможет ли она разгадать хотя бы одну?

Содержание

Часть первая.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Кейси Доуз

Книга Авроры

*Жила-была девочка, что сказки любила
Дарила им ночи, и дни им дарила..*

-1-

Когда бабушка умерла, всем стало легче.

Она вела отшельнический образ жизни, если так можно сказать. Жила в своем доме в пригороде Портленда, редко принимала гостей и еще реже сама куда-то выбиралась. Когда я была маленькой, мы здорово ладили, но как известно, старость на всех накладывает свой отпечаток. Она как бы помечает человека, подобно черной метке, тем самым давая остальным увидеть, кто в скором времени примет обаятия

смерти.

Если это так, то бабушку она явно пометила лучше остальных.

Моя бабушка – Аврора Роуз Онрат – была знаменитой писательницей. Она была фантастом и придумала восхитительные истории. Как сейчас помню – каждый раз, как меня оставляли родители у нее в гостях, она рассказывала такую сказку, которой я ни разу еще не слышала. А почему? Потому что придумывала ее в сам момент рассказа. И каждая ее сказка или история была удивительнее предыдущей. Я могла слушать их часами напролет. Бабушка никогда не повторялась, никогда не рассказывала скучных сюжетов. Она умела заинтересовать меня – и судя по ее успеху, не только меня, но и многих своих читателей.

Я слышала и о гоблинах, которые в бабушкиных историях представлялись не злыми троллями, а прекрасными существами с розовой кожей и ранимыми чувствами. Я слушала и про фей, которые в отличии от обычного фольклора, у бабушки были с зубками и зачастую выступали не на стороне добра. Ее истории многим отличались по своей составляющей от тех, какие я обычно могла найти в детских книжках. Она переиначивала их на свой лад, представляла по-своему, и этим заинтересовывала.

На момент ее смерти у бабушки было 120 опубликованных книг, а какой у каждой был тираж – и не сосчитать. Однако, по одной из каждого тиража бабушка покупала и хра-

нила у себя в шкафу. Ровно 120 книг.

Могло быть больше, но бабушка перестала писать задолго до своей смерти.

В 56 лет (четырнадцать лет назад) бабушка навернулась с лестницы на своей же веранде и многочисленные осложнения, а так же сотрясение, повлекли в конечном итоге за собой впадение в летаргический сон. Она пробыла там чуть больше недели, но вскоре стало понятно, что *наша* бабушка осталась там навсегда.

Та, кто вернулась – была уже совершенно другая женщина. И нет, речь не идет о чем-то сверхъестественном. По факту, конечно же, это был тот же самый человек – если оперировать сухими фактами. После того, как бабушка оклема-лась (если это так можно назвать), всем стало уже совершенно очевидно, что она стала другой. Она перестала смеяться, постоянно ходила задумчивая. Она совершенно перестала писать книги, и зачастую несла какую-то околесицу. Мама предполагала, что в таком возрасте подобная травма ска-залась на ней не лучшим образом.

В общем, бабушка заметно сдала. Перестала быть общи-тельной, постоянно была в себе, перестала зазывать в гости. А даже если я порой заглядывала к ней без приглашения – уже не стремилась рассказать мне новые истории, которые я была готова слушать в любом возрасте. Она больше не гото-вила. Не смеялась.

И со временем становилось только хуже.

Мама пару раз порывалась сдать ее в дом престарелых (где за ней будет тот уход, который не можем оказать мы, как она говорила) – но отец (который и был сыном бабушки) категорически отказывался. Потому она продолжала жить в своем домике у озера, и лучше ей не становилось.

В последние три года до своей смерти она совершенно тронулась рассудком, маме с отцом приходилось постоянно за ней ухаживать, кому-то быть подле нее, и при этом бабушка принимала заботу далеко не с благодарностью. Она была странной.

Странной она и умерла. Так, кстати, толком и не понятно отчего. Просто ночью перестала дышать, хотя днем еще была совершенно в порядке. Сердце, как сказали медики. Легкая быстрая смерть – по крайней мере они заверили, что она умерла, так и не проснувшись.

Похороны, панихида, все дела.

Все мы искренне старались выдавить из себя слезы, но не выходило. Даже у отца. Бабушка правда была отличной до того случая, но с тех пор прошло целых четырнадцать лет, когда она вела себя совсем не вразумительно, и за это время может устать любой, даже самый идеальный человек. Нам было жаль, но мы, наконец, могли спокойно вздохнуть.

По крайней мере, мы достойно позволили ей завершить свой путь. Я тоже была против дома престарелых и свои дни и годы бабушка провела в том доме, который еще в 30 они вместе с дедушкой купили на ее первые гонорары. Если ве-

рить папе, тогда она только взойшла звездой на небе книжного ремесла.

Дом отличный, ничего не сказать. Два этажа, веранда, лоджия с видом на маленькое озеро, уютный. Бабушкин кабинет, две спальни, гостиная. Бабушка искренне верила, что однажды мы переберемся сюда, но после ее смерти родители единогласно решили его продать.

Слишком много тяжелых воспоминаний было с ним связано, да и мама была городская. Она не хотела переезжать в пригород. А на вырученные деньги они с отцом собирались сделать ремонт в нашем домике.

Я была против, но кто стал бы меня слушать?

– Ты уже не маленькая девочка, Атиль – заявила мне на это мама – в 20 лет уже отдельно от родителей живут, а не пытаются руководить их делами.

– Я в этом доме провела все свое детство – выпятила я губу и скрестила руки на груди – а теперь просто продать?

– Да – кивнула она – а теперь просто продать.

Маме не приходилось принимать внушительную позу, чтобы выглядеть грознее меня. Они с папой были высокие, но мой рост еле дотягивал до 170 см. Как бы я не пыжилась – но в любых спорах выглядела от силы злобной грозной чихуахуа, на которую они смотрели сверху вниз по одной лишь физиологии.

Из тех, что тьякает, но никогда не укусит, так как зубы дороги.

Кстати, эта особенность – роста – у меня, наверное, в бабушку. Она была еще ниже, но совокупность рослости моих родителей дала мне хоть какую-то фору. Думаю, второй бы ребенок их наоборот был ростом до Олимпа, но узнать не пришлось. В семье я одна.

Красоткой меня тоже нельзя было назвать – даже если под определением «особенная красота». Пожалуй, я была неординарной внешности, но к красоте это и за уши нельзя было притянуть. Русые волосы чуть ниже плеч, глубоко посаженные большие карие глаза, угнетенные внушительными бровями. Нос хоть и аккуратный, но лоб большой – из-за чего в общем лицо словно выглядит сплюснутым. Будто кто-то нажал на него сверху, и все черты в раскоряку сместились вниз, совершенно не соблюдая верные пропорции.

Оттого даже изящные черты, как пухлые губы, смотрелись на нем совершенно несузарно и даже комично. Ну, хотя бы стройная была, поедая слайсы вместо булочек.

И вот не прошло и сорока дней, как родители озаботились уже тем, чтобы выставить дом на продажу. Они решили оставить там всю мебель, вывезли лишь какие-то семейные драгоценности и телевизор. Перед продажей (они быстро нашли покупателя) я смогла выклянчить у них право забрать из оставшегося там то, что нужно мне.

А именно книги. Я собиралась забрать оттуда все бабушкины книги, которые мне больше всего нравились.

– Если тебе так хочется – непонимающе отмахнулась мама

– их без проблем можно купить в любом магазине.

– Я хочу именно те, которые были у нее, а не в магазине.

– Причуды, как у ребенка – хмыкнула она, но отец дал добро.

Мама с папой были настолько разные, что порой я задавалась вопросом, на какой же почве они сошлись. Отец был больше похож на бабушку (когда она была нормальной) – добрый, позитивный, открытый ко всему новому и сумасшедшему. Он любил эту жизнь и каждое ее проявление, словно впервые здесь оказался. И так он проживал каждый день.

Мама же была более высокомерной, или даже я не знаю, как это назвать. Она постоянно держалась так, словно она первая Леди Америки, а если и награждала взглядом, то крайне презрительным. Она родом из ЛА, и папа говорит, они долго скандалили, прежде, чем она согласилась переехать в Портленд поближе к родителям отца. Даже после смерти своих она долгое время не желала покидать город-миллионник. Она не понимала сентиментальностей, бабушкиного ремесла (придумывать сказки каждый горазд – скептически замечала она), и была более деловой закалки.

Сложно сказать, кто из них по духу мне был ближе. Во мне совместились что-то от них всех. Часть свободных нравов от папы, и часть спесивой рассудительности от матери. Инь и Янь от этих двоих, ужившееся в одном человеке.

Быть может, это и создало мой непростой характер, из-

за которого мне так сложно оказалось обзавестись друзьями. Точнее, совсем невозможно. Друзья у меня были только в соц сетях, а вот в кафе я ела всегда в одиночестве.

И в таком же одиночестве подъезжала сейчас на ниссане отца к дому бабушки, дабы забрать последние необходимые вещи перед окончательным отходом этого прекрасного места в чужие руки.

-2-

Озеро покрылось небольшой рябью из-за ветерка, окна в сравнении с солнечным светом казались темными. Я вышла из машины и поежилась, когда подул небольшой ветерок. Рядом с водой (а именно озерцом) ветер почему-то всегда оказывался более холодным. Я это заметила еще в детстве, когда меня часто оставляли у бабушки.

Я любила этот дом тогда еще и за то, что это было отличное место для прятков. Большой, просторный, с кучей различной мебели. Наш дом в Портленде был значительно меньше – и по мне, если бы не родительское упрямство, гораздо логичнее было бы продать его и переехать сюда. Или же продать оба, и купить такой же большой дом. Смысл вкладывать деньги в ремонт той небольшой постройки в городе я не видела.

Даже в детстве он мне казался слишком маленьким.

Я потеряла в руках небольшую связку ключей и поднялась

на крыльцо. На связки были ключи от главного входа, от черного, от подвала, от чердака и еще черт знает от чего. Эта связка всегда была у бабушки, но после ее смерти, как и все остальное, перешла к нам. Дверь неохотно со скрипом открылась. Она была массивная и тяжелая, потому никогда не болталась из-за порывов ветра и открывалась ровно настолько, насколько ты сам ее распахивал.

Внутри дом был еще темнее. Мама с отцом задернули все шторы, потому даже в ясную погоду помещения не озарялись светом. Однако, зеркала остались открытыми – мать не верила в суеверия, связанные с ними. Я вроде знала, что по байкам через зеркала душа покойника может вернуться в мир живых в течении сорока дней, потому их завешивают тканью.

– Никто никуда не может вернуться – заявила мне мама – потому что возвращаться неоткуда, Ати. Это биологический процесс и после смерти человек просто заканчивает свое существование. Никуда он не отходит, никакое путешествие не продолжает. Просто сгнивает и все тут. Потому вернуться некому и неоткуда, а завешивать зеркала это совсем средневековье. Мы же не неандертальцы?

Если папа и придерживался другого мнения – то он этого не афишировал. Не мешал маме оставлять открытыми зеркала и все в этом роде. Мне кажется, таких как папа, куда проще подмять под себя и свое мнение, чем таких, как моя мать.

Я закрыла дверь и распахнула шторы в первой гостиной. Мебель убрана в чехлы, дабы не пылилась, пока в права владения не вступит новый собственник (что должно было быть уже очень скоро, этот дом купила какая-то семья и предки заключили с ними уже предварительный договор). Возле большой плазмы стояли два массивных кресла. То, что с более узкой, но высокой спинкой – бабушкино. Она часто в нем сидела, записывала что-то, или рассказывала. Или думала – блокнот всегда был по правый подлокотник от нее. Она говорила, что на этом кресле различные идеи и сюжеты посещают ее куда чаще.

Второе – с гораздо более широкой, но низкой спинкой – было дедушкино. Я никогда не видела дедушку, он умер довольно рано, но кресло его даже сейчас было здесь. Бабушка ни то, что не выкинула его, она не позволяла даже на дюйм его сдвигать, словно деда мог вернуться в любой момент и сильно расстроится, что его кресло куда-то убрали.

Папа говорил, что бабушка всегда любила рассказывать одну и ту же историю – что на писательский путь ее толкнул именно дедушка в молодости. Он так любил проказничать, попить втихаря и не выполнять дела – что постоянно сыпал различными оправданиями и оговорками. И каждое выдумывал изощреннее предыдущего. И как-то бабушке стало интересно – насколько же далеко может зайти человеческое воображение в своих рассказах, и так она сочинила свою первую историю. А потом ее так затянуло, и у нее это в самом

деле получалось, что по результату она обогнала дедушку в его выдумках, да еще и стала на них неплохо зарабатывать. Деду пришлось капитулировать и он перестал брехать. Как говорил папа.

Я потрогала спинку высокого кресла, но пальцами ощутила лишь ткань чехла, которым оно было накрыто.

В свои последние годы бабушка выдумала здесь лишь одну историю, если это так можно назвать. Она постоянно сидела в этом кресле, пока мама или отец терпеливо наводили в доме порядок и спрашивали о ее потребностях. Сидела и молчала. А если я подходила к ней, осторожно трогала за руку и спрашивала, все ли в порядке, она просила меня наклониться и шепотом сообщала:

– Они уже заждались меня там, Ати. У них время идет совсем иначе. Я слишком засиделась здесь.

В первый раз меня этот выпад напугал и я все рассказала предкам. Но мама лишь отмахнулась и сказала, что старикам свойственно часто думать о смерти, и то, что бабушка считает, будто кто-то ее там заждался – совершенно ничего плохого и опасного. Пусть, мол, что хочет то и говорит.

Пройдя бегом весь первый этаж, я забралась на второй. Туда вела лишь одна лестница, потому что в те времена, когда строился этот дом, еще не было в обиходе два различных выхода со второго этажа на случай «если что». Только одна лестница – но она даже не скрипела.

Все бабушкины книги и заметки были в ее кабинете. Там

она работала, там хранился и тот самый шкаф, где было по одному экземпляру от каждой из ее 120 книг. Тот шкаф, который мне и нужен был.

Конечно, человек пишущий книги, не может не любить читать и чужую прозу – но внушительное количество книг других авторов она хранила отдельно. Во второй гостиной у нее была большая стенка с кучей полок, и там-то и была ее основная библиотека, включая даже парочку книг русской классики. А свои книги она всегда хранила отдельно, в своем кабинете, в шкафу, который приобрела специально для них.

В этом шкафу было ровно четыре полке, по тридцать книг на каждой. В шкафу были дверки, чтобы книги не пылились, но они были стеклянные, чтобы их можно было видеть.

Я осторожно толкнула дверь бабушкиного кабинета. Это была единственная комната, в которой шторы были не задернуты, а мебель не накрыта чехлами. Наверное, потому что и не было здесь той мебели, что стоило накрывать. Только рабочий стол, кресло на колесиках, шкаф для книг и тумбочка для набросков. Вот и все.

Я пооткрывала шкафчики, надеясь найти там какую-нибудь историю, которую бабушка все-таки писала все это время, но таила от нас. Может, какая-нибудь последняя сказка, предназначенная для меня, ее единственной любимой внучки, в качестве памяти..

Но нет. Ничего. Все листки были старыми, с давно известными мне сюжетами, которые уже многие десятилетия назад

перестали быть набросками и оформились в опубликованные книги. Здесь же я нашла листы по ее нашумевшей книге «Вурдалаки». Естественно, речь там шла не о тех Вурдалаках, которых представляли все. В бабушкиной истории, подарившей ей популярность, Вурдалаки оказались справедливыми ночными стражами, которые в финале еще и помогали людям спасти их планету от действительно опасных тварей ночи. Что-то типо охранников, которые защищали людей от своих же сбежавших заключенных или типо того. Я ни разу не читала эту книгу – но была первой, кто услышал эту историю. Бабушка ее сочинила для меня на ночь, лишь потом внесла больше сюжетных ответвлений, каких-то персонажей и окончательной версией запечатлела на листах.

Но я была первой. Я узнала эту историю еще тогда, когда бабушка ее даже не до конца знала. Она как бы родилась на наших глазах, став открытием для нас обоих. В моей версии главного Вурдалака звали Митан, но в своей окончательной книге бабушка переименовала его на Биргера. Не знаю почему.

Я пошерстила еще листы, но не нашла ничего нового. Все уже давно известное. Ладно, этого следовало ожидать. Закрыв шкафчик, я подошла к моим любимым четырем полкам со 120-ью прекрасными историями. Я не собиралась забирать все эти книги – да и при желании не смогла бы. Я хотела взять лишь парочку моих самых любимых. Одной из них конечно должны были стать Вурдалаки.

Я открыла стеклянные створки.

Одна книга на самой верхней полке лежала сверху на других. Я нахмурилась – очевидно, бабушка взяла ее уже в своем не лучшем состоянии и забыла поставить на нужное место. У каждой книги здесь было свое место – и вычислить место этой бедняжки очень просто. На одной полке всего лишь должно быть 29 книг вместо тридцати – значит, ее взяли отсюда.

Я посчитала книги на первой полке – тридцать. На второй столько же, когда и на третьей полке оказалось такое же количество книг, во мне уже начало бурлить возбуждение. И оно лишь укрепилось, когда последняя полка тоже оказалась в полном комплекте. Все книги были на своих местах.

Но откуда тогда была эта?

Бабушка никогда не пихала сюда книги других писателей, это был шкафчик исключительно ее творчества. Только сейчас я заметила, что на книге нет обложки. Нет подписи автора, нет даже названия. Просто переплет, больше похожий на какой-то массивный блокнот. Я с замиранием сердца открыла его.

Текст начинался лишь с третьей страницы, но был очень странным. Во-первых, он был написан от руки – и я без проблем могла узнать в этих каракулях почерк бабушки. Но вот в чем был прикол – начиная с сорока лет, бабушка всегда пользовалась ноутбуком для своих историй, так как там проще работать. Значит, это она уже писала, скорее всего, после

того случая.

Тогда, когда мы думали, что она уже ничего не пишет.

Буквы скакали, а строчки не соблюдали совершенно никакой параллельности, хотя в этом блокноте они были явно отмечены, но бабушка просто плевала на них. А может, ей было непосильно держаться относительно их.

В книге были какие-то странные карикатуры, а когда я начала читать с первой страницы – с изумлением обнаружила, что текст совершенно лишен какой-либо последовательности, необходимой для истории. Последовательности, которая всегда была в бабушкиных книгах.

Может текст в этом блокноте наглядно показывает, какой беспорядок творился в бабушкиной голове в ее последние годы?

Я вновь попыталась вчитаться в текст, который больше напоминал кладезь сухих фактов, даже не пытающихся как-то обыграть сюжетом. Будто самые первые и несуразные наброски ее новой книги.

Калиго – врх, тиц

Ад – демоны

Рай – ангелы

Капитолий – верхушка, выше только Финубус

Совет серафимов

Обучение, равновесие, чт законы

Запрет, тк равновесие

Дарнордс – ?? молчат, ангел-демон

Дарнордс был подчеркнут, в отличие от остальных, но это все равно ни о чем не говорило мне. Я перелистнула на следующую страницу. Здесь была уже некоторая связность, но она меня совершенно не обрадовала. Описание истории впервые шло от имени бабушки. То есть раньше она могла писать свои книги от первого лица – лица главного героя, но этот герой было либо маленький мальчик, встрявший туда, куда не надо. Либо какой герой, спасающий мир, либо сам Вурдалак. А здесь она вела рассказ от своего имени – от имени Авроры Онрат собственной персоной. И все бы ничего, но сама история явно была фантасткой, а она ее преподносила, будто бы реальную.

«..когда я очнулась, то не сразу поняла где я, а крылья за спиной вызывали большие зуд, чем удивление..»

«..Калиго был первым, кто протянул мне руку помощи..»

«..демоны относились ко мне с явным пренебрежением, они держатся гораздо вышекомернее ангелов, хотя по существу являются более слабыми..»

Калиго. Я вернулась на первую страницу – она уже упоминала это имя.

Но больше пугало то, что в результате история представляла чем-то, вроде мемуаров. Потому что закончилась она тем, что бабушке пришлось покинуть этот «дивный мир после жизни», так как она очнулась от летаргического сна.

Я захлопнула блокнот.

– Ясно.. – папа, нахмурившись, листал страницы блокнота, а я наблюдала за его реакцией.

Я так разнервничалась, что кинула в портфель лишь пару других книг, главным образом зацепившись за этот блокнот. Я решила вначале показать его отцу – так как реакция мамы была слишком предсказуема.

В середине блокнота он так же задержал внимание на тех карикатурах, что были нарисованы от руки. По большей части это была одна и та же фигура. Нечто, похожее телом на человека, однако голова делилась на две части. Над одной была половина нимба, из другой торчал огромный рог, а лицо было искажено отвратительной гримасой. Один глаз она усиленно закрасила синим (где нимб), а другой красным. Одна рука была протянута в сторону с раскрытой ладонью, а вторая сжата в кулак. Нога той половины, где был рог, оказалась копытом, а конечность существа с нимбом была представлена человеческой.

Все карикатуры были подписаны одинаково – *Дарнордс*.

Я помню, о нем на первой странице тоже была заметка. Ангел-демон. Судя по карикатурам, он был чем-то определенно нехорошим, хотя по ходу истории в блокноте о нем ничего не сказано.

Отец нахмурился еще сильнее, разглядывая эти рисунки, после чего захлопнул блокнот и глубоко вздохнул.

– Это вроде как одна из бабушкиных историй – начала я возбужденно – она ее, очевидно, написала после.. всего. Но она не похожа на предыдущие. Она говорит об этом, словно в реальности, и..

– Ати – отец печально качнул головой, отложив блокнот на столик и положил руку мне на плечо – детка, я понимаю, это не то, что ты хочешь услышать о своей бабушке, но сдастся мне, мы все это давно поняли. Твоя бабушка была писательницей и очень хорошей, но к старости перестала отличать реальность от своих историй. Такое случается с теми, кому уготована не слишком благородная старость и у кого вдобавок слишком живо работает воображение, понимаешь?

– Да – кивнула я. Множество таких историй знала, старческое слабоумие, деменция, вечерняя спутанность, как это только не называют.

– Это прекрасные истории – продолжил он – но существуют они лишь в ее воображении, и пока твоя бабушка была в своем рассудке, они не покидали его стен, но когда ей стало.. немного хуже, они выбрались наружу и запутали ее. Вскоре она и сама не помнила, где правда, а где вымысел. Увязла в своих сказках. Стенка, отделяющая ее истории от реальной жизни упала, но сдастся мне, это не самый плохой конец для нее.

Он снисходительно улыбнулся.

– Она искренне любила свои истории и если под конец жизни и правда стала считать, что была участницей и сви-

детельницей одной из них – значит, была счастлива. А на остальное.. – он кивнул на блокнот – не обращай внимание.

Я знала, что бабушка была не в себе, но не проводила с ней столь много времени, чтобы понять насколько.

– Она что.. – нахмурилась я – сошла с ума?

– Я бы так не сказал, милая – уклончиво протянул отец, говоря о своей матери – думаю, это профессиональный недуг. Да и какая теперь разница, правда?

Я кивнула.

– Я возьму? – я потянулась к блокноту.

– Конечно, милая.

Я уже собиралась выйти из комнаты, но в последней момент неуверенно повернулась обратно к отцу.

– Она говорила тебе что-нибудь об этом? – спросила я.

– О чем?

– О чем-то таком.. – неоднозначно пожала я, припоминая, как она просила меня наклониться и сообщала, что *там* ее уже ждали – что говорило бы о том, насколько она не в себе.

– Под конец она много чего говорила – вздохнул отец – и не только мне. Но не она первая и не она последняя. Старость скашивает любого, Атиль, не следует так эмоционально к этому относиться. Считай, что ты просто получила новую сказку.

– Мне не нравится эта сказка – честно призналась я – эта история.

– Тогда просто забудь о ней – посоветовал он.

Я ушла в свою комнату и положила блокнот в шкафчик. Конечно, можно было изменить бабушкино имя на какое-то другое, и посмертно выпустить ее последнюю историю в знак памяти о ней, но мне правда она не нравилась. Она показывала – лично мне – насколько бабушка была не в себе. Здесь уже работало не ее воображение, а ее болезнь. И поэтому вряд ли это можно было назвать ее творчеством.

К тому же, многое для публикации в этой истории оставалось непонятным и незаконченным, хотя бабушка всегда считала – что самое главное, это свести все ниточки в финале. Здесь же не сводилось большинство ниток, отсутствовал сюжет, как таковой, и многое было непонятным. Именно что записки сумасшедшего, но никак не цельное произведение.

– Пусть остается 120 книг – буркнула я себе под нос, закрыв шкафчик – еще одна ни к чему.

-4-

Следующий раз про блокнот я вспомнила лишь тремя неделями спустя, когда дом бабушки уже окончательно был передан (продан) той самой семье, с которой ранее был заключен предварительный договор. Если до этого момента родители еще могли передумать, заплатить штраф или что-то там, положенное после принятия залога, то теперь наша семья не имела никакого отношения к сооружению у озера, в

котором целых сорок лет жила моя бабушка, известная миру больше как писатель-фантаст Аврора Онрат.

Мама не скрывала своей радости на счет этой сделки, отец предпочел в тот день сохранять нейтралитет, потому что, очевидно, какой-то своей частью все-таки был бы не против переехать в дом своей матери. Я же открыто демонстрировала свою неприязнь к завершению этой продажи.

Конечно же, никому не было до этого дела. Мама продолжала лелеять свою мысль на тот счет, что пора бы мне и переехать уже, начать самостоятельную жизнь, а не пытаться влиять как-то на решения своих родителей. Я бы согласилась, если бы речь шла о покупке какой-то мебели или даже перепродажи их собственного дома, но все-таки к дому бабушки мы все имели одинаковое отношение.

– На следующей недели поедем выбирать обои – сообщила мне мама.

Она была высокая, как я говорила, у нее были светлые волосы. Мой темный оттенок передался от отца. Она была стройная, черты лица у нее были слишком резкие и жесткие – выпирающие скулы, массивный подбородок, а так же широта ее плеч отнимали всякую возможность именовать ее красоткой. Но какая-то прелесть в ней все равно была. Волосы она всегда забирала в конский хвост, вечно сухие губы смазывала различными помадами и надевала блузки и футболки именно с треугольным вырезом, хотя с ее плечами именно этот вырез ей меньше всего шел.

Папа был даже чуть выше ее, но его черты были мягче, хотя он и мужчина. Не такие угловатые, что ли, зато были выразительные зеленые глаза. Но конечно же, мне передался карий от матери.

— Ага — отмахнулась я.

Мое «ага» означало не больше, чем «нет», но с вариантом на отвали. Типо, и отказала, и не пришлось при этом далее выслушивать все подряд. Обычно к одному и тому же вопросу мама не имела обыкновения возвращаться дважды, если он действительно ее не волновал.

И вот когда они и поехали за обоями, мне стало особенно тоскливо. Почему-то печаль по утрате человека приходит всегда запоздало. Не когда он умирает, не когда его хоронят, а лишь потом, когда отсекают последнюю нитку от связи с ним. Моей ниткой стал бабушкин дом. Теперь, кроме книг, у меня от нее ничего не осталось.

Но поскольку взятые из шкафчика пара книжек была мне слишком хорошо знакома, я вновь вернулась в комнату и достала из шкафчика тот самый блокнот, о котором на время забыла.

Теперь я принялась изучать его более внимательно, и пролистывая каждую страницу, обнаружила еще одну схему. Она была в кипе пустых листов. Таковых в конце блокнота оставалось порядком тридцати и раньше я туда не заглядывала, думая, что пустые все, но теперь от нечего делать пролистала и их, потому нашла эти каракули.

Конечно же, так же принадлежащие бабушке.

«Иерархия.

Финубус – создатель.

Капитолий – сб серафимов, упр

Серафимы – высшие ангелы, наиболее приближенные к

Финубусу

Архангелы, ангелы – ниже

Сатана – вл. ада

Архидемоны – приближенные ст.

Демоны – низшие

Васпес – др серафим, Капитолий, 1 из 5»

Большинство из криво написанного мне было непонятно.

Слишком краткие сокращения, никакой возможности понять, что они означают. Да и, если честно, я сомневалась, что они означали хоть что-то даже для бабушки. Судя по нехронологическому неполному изложению, даже она не могла толком понять, какую историю хочет написать. Ах нет, точнее рассказать. Она ведь была в том состоянии, когда стена вымысла и реальности уже стерлись.

У нее получилась бы неплохая книга, если бы она выливалась из нее чернилами на листы, а не если бы бабушка сама прыгнула туда с головой, забыв где выход.

Я покрутила ее в руках.

Было такое чувство, словно бабушка начала мне рассказывать сказку, но очень скоро сама забыла, о чем говорила, и в итоге получился кавардак. Теперь я уже точно обмота-

ла блокнот небольшим бантиком и окончательно уложила в шкафчик. Вряд ли он поможет мне напоминать о бабушке.

Только если о том, что к концу своих дней она была не в себе.

И я решила прочесть опубликованную версию Вурдалаков, до которой раньше не доходили руки. Здесь все было понятно, и здесь в каждом слове и обороте я узнавала свою бабушку. Даже представляла, как на том или ином предложении она бы улыбнулась, рассказывая это, или что-то вкрадчиво добавила. Или вот здесь, например, когда читателям только предстает образ Вурдалака Биргера, она наверняка вкрадчиво хихикала, описывая его большие клыки и представляя, какой ужас они наведут на детей. Сама уже зная, что Биргер окажется тем самым героем, который всех в конце спасет.

Закрыла книгу я только тогда, когда раздался характерный гудок ниссана. Значит, мама с отцом приехали и мне надо было спуститься и помочь разгрузить им машину с ремонтными покупками.

Ремонт продвигался вовсю, потому я зачастую старалась незаметно исчезать из дома. С одной стороны (рациональной, что досталась мне от матери) я понимала, что может ремонт в доме и необходим. Конечно, может необходимее

только новый дом, но если выбора нет, то и ремонт подойдет – уже даже обои начали кое-где расходиться. С другой стороны (эмпиричной, что досталась от отца, а ему от бабушки) я не хотела никаких изменений в доме, потому что те же обои в гостиной ассоциировались у меня с детством. Там, внизу, возле плинтуса, я разрисовала их в розовые цветы, а мама тщательно пыталась оттереть тряпкой и говорила, что следующий раз я за это сильно получу.

Конечно, мне ведь было уже не четыре, а семь.

А с чем у меня будут ассоциироваться новые обои? Ни с чем. Полное ничего. Я была тем, что не любил перемены настолько же, насколько любил. Я словно противоречила во всем и всегда самой себе в первую очередь, а с этим ой как непросто жить.

Противоречить другим – раз плюнуть. Ты зато всегда знаешь, чего именно хочешь ты. А вот вступать в конфликт с самим собой – работа затратная и тягостная. Подозреваю, всю жизнь не я воевала сама с собой – а мамин и отцовский характеры внутри меня боролись за право первенства. Что ж, за 20 лет пока никто из них не смог одержать безоговорочную победу. Подозреваю, война эта будет пожизненной, так как к примирению они не сделали и шага.

Потому я и старалась исчезать из дома в особо масштабные работы, как сейчас, когда отец с матерью драли старые обои в своей спальне. Денег с бабушкиного дома у нас было достаточно – но они не захотели нанимать рабочих.

А я не могла решить, чего я хочу больше – демонстративно начать акт неповиновения их очередному решению, или же наоборот решить, что я все-таки «за» ремонт и помочь им с этим. Дабы эти внутренние распри не разодрали меня, я и старалась к ним сильно не обращаться.

– Привет, Ати! – меня догнали девчонка лет пятнадцати. Единственный человек, кроме предков, с кем я иногда общалась.

Ну как иногда. Крайне редко, когда пересекались на улице.

– Привет, Кети – бросила я, не замедляя шага, потому ей самой пришлось меня догнать.

Кети – дочка наших соседей. Она слегка полновата, покрыта прыщами и угрями, потому у нее тоже не слишком-то много друзей. В какой-то день пару лет назад, когда я еще училась в школе, она решила, что присоединиться ко мне по пути будет веселее. А я решила, что она может идти рядом, если хочет. Она до безобразия глупа и еще достаточно наивна в своем пубертате, но разнообразия ради я иногда с ней болтаю.

Почему-то в сорок лет пятилетняя разница (по словам взрослых) совсем незаметна, однако в свои двадцать я прекрасно ощущала ту же разницу с Кети, словно водораздел или глубокую пропасть о двух берегах.

– Куда идешь? – уточнила я у нее, потому что она начала глазеть на меня. Это страшно раздражает.

– К репетитору – вздохнула Кет, сдунув прядь рыжих волос со своего низкого лба – мама считает, что арифметика поможет мне в жизни. Скажи, она тебе сильно помогла?

Я пожала плечами, и она восприняла это, как знак отрицания.

– Вот и я о том же! – Кет взбунтовано хмыкнула – ненавижу арифметику.

Я видела впереди развилку и точно знала, к какому репетитору идет Кети, она ходила туда уже не первый раз. Ей надо прямо, потому, чтобы от нее скорее отделаться, я решила на этом повороте свернуть право. Однако, не успели мы дойти до развилки, как за нами увязался щенок какой-то дворняги. Слишком большой для мелкой породы, слишком мелкий для большой типо дога или алабая.

– Как думаешь, может, это овчарка? – спросила Кети, восторженно начав гладить щенка. Тот был слишком худощав, а значит бездомный. Да и вид такой себе, как бы не блохами кишит.

А раз за ним не плетется никакая взрослая собака – дни его с наступлением холодов сочтены.

– Думаю, это чистокровный двортерьер – сообщила я, не проявив энтузиазма в поглаживанию щенка, хотя Кэти уже схватила его на руки и едва ли не совала мне в лицо. Да уж, если не повезет, ей еще предстоит на собственном опыте узнать, что такое лишай и почему не следует гладить бездомную животину.

– Какой он худенький! – протянула она тем тоном, которым обычно мамы сюсюкают своих детей – давай его покормим? Вон как раз уолмарт – она кивнула на виднеющийся магазин за углом.

– У меня нет денег – соврала я. Смысла кормить эту собаку нет. Если ей суждено умереть, то зачем этому мешать? Это естественный отбор, выживает сильнейший. Более приспособленный или более хитрый. Слабые канут в бездну, так устроен мир не только для животных.

С людьми все то же самое.

– Блин.. – свела она печально брови – у меня тоже. Я не брала к репетитору. Только деньги на самого репетитора..

По ее глазам я поняла, что Кэти близка к тому, чтобы просадить родительскую сумму на дворнягу, которую уже завтра может переехать машина, если она так же будет шлындать туда-сюда.

– Не думаю, что предки погладят тебя за это по головке – заметила я – если этой собаке суждено выжить, ее кто-нибудь покормит.

– Может, этот кто-нибудь и есть я?

– Как знаешь – пожала я плечами.

– Разве тебе его не жалко? – она вновь ткнула мне псину в нос.

– Жалко – честно ответила я – но я не могу спасти всех бездомных животных в мире. Если уж с людьми государство справиться не может и еще очень много продолжает бомже-

вать, то что говорить про животных. А зачем тогда и начинать?

– Чтобы спасти хотя бы одного.

– Мы не спасем его, если ему суждено сдохнуть – заметила я слегка сухо – накормим сегодня, а завтра его разорвет стая взрослых собак.

Кэти нахмурилась и прижала щенка к груди.

– Как хочешь – пожала я плечами, когда мы как раз дошли до развилки – только мне вправо. Удачи.

– Давай – она печально махнула мне рукой, все еще стоя со щенком на перекрестке и не зная, куда ей теперь податься. Влево, просадить бабки предков на бездомного щенка, или прямо, просадить их на арифметику. По моему разумению – и то и другое было пустой тратой.

-6-

Когда родители закончили ремонт, осень уже сменилось зимой. Но именно что сменилась – декабрь только вступил в свои владения, а легкая наледь на дорогах не успела преобразоваться в толстый лед с кучами снега по бокам. К этому моменту я уже прочитала все взятые из бабушкиной личной библиотеки книги, включая даже Фей Астрикса, ее последний роман.

Мои волосы немного отросли и я благополучно остригла их в ближайшей парикмахерской. Мама предлагала не тра-

тить на это деньги, заверив, что сможем справиться с таким пустяком сама, но помня свой прошлый раз, я не могла с ней согласиться. Я тогда была в выпускном классе, и мама заявила, что в молодости делала себе лучшие прически. Теперь я понимаю, что она это говорила лишь с целью меня убедить, но я купилась и согласилась, чтобы на выпускной прическу мне сделала она. Надо было подровнять волосы, а потом их затейливо закрутить. В итоге мама обрубала мне челку так криво, что даже на стиль эмо сойти не могло, а пока пыталась совладать с плойкой, посжигала мне все концы. Тот вечер, кажется, определил мамины умения в стилистике, и довольно странно, что она решила, что подобный урок я забуду за каких-то два года.

Впрочем, видимо, она просто пыталась, не особо рассчитывая на успех – потому что когда я отказалась, она покорно кивнула (что случалось с ней очень редко) и даже не задала ни одного вопроса (что случалось еще реже).

Наш дом после ремонта стал напоминать какую-то отрывку современного веяния. Если бы мама выбирала все сама – это было бы нечто в стиле холодный минимализм, если бы все выбирал папа – это было бы что-то а-ля «веселые оранжевые обои и жизнерадостный зеленый стол». Но поскольку работали они (к сожалению) вместе и сообща, наш дом теперь можно было лихо причислить к современному искусству из того разряда, где на полотне три зеленых капли, а какой-нибудь влиятельный искусствовед перед этим дерьмом

потирает подбородок и говорит, что здесь невероятная смысловая нагрузка.

Выглядит это глупо и неуместно, но самое интересное, нравится и отцу и матери. Не нравится только мне это, но на это всем плевать. Мама не преминула бы лишний раз напомнить мне, что если что-то не нравится, жить я могу и отдельно. Да а кому вообще могут нравиться бежевые, спокойные обои с золотистым вкраплением в сочетании с ярко-оранжевым угловым диваном и светло-желтым (цвета яркого песка) ворсистым ковром? Такое чувство, что ребенок свою краску разлил, и как в пайнте, ею окрасились все ненароком затронутые объекты.

Теперь, когда я могла видеть окончательный результат ремонта, я определилась со своей позицией.

Я не хочу ремонт.

Оставалось лишь докупить кое-чего по мелочи – какая-та атрибутика интерьера, мама недавно приглядела новую уродливую вазу. Я как раз сидела в своей комнате, когда она позвала меня вниз своим обычным требовательным тоном. По одному ее тону я знала, что мне придется ждать.

Мамин голос (с папиным такого никогда не было) делился на три тональности. Первый – обыденный, это значит, ей просто надо что-то узнать, может даже неважное. Второй – лукавый. Он слегка выше на октаву и она нарочно растягивает гласные в первой половине каждого слова. Таким тоном она обычно пытается разузнать какие-то секреты или

вывести меня на правду хитростью. И третий – требовательный. Он низкий, и оттого незнакомцу может даже показаться мужским, гласные максимально короткие, еле проговариваемые, зато согласные шипят по паре секунд. Получается нечто, отдаленно похожее на разгневанное шипение черной мамбы, которая овладела человеческим диалектом.

Так вот, если мама звала таким тоном – значит, у нее было какое-то поручение и я обязана была его выполнить. Или же она узнала про какой-то мой проступок, за который я получу нехилое наказание. Но поскольку я давно закончила школу и времена, когда классная звонила предкам и жаловалась на мое поведение или оценки давно канули в лето, дело могло быть только в поручении.

– Да, мам – я, устало перебирая ногами по лестнице, спустилась вниз.

– Сколько говорить – не вошкай ногами – бросила она мне – так делают только старики. Неужели так сложно поднимать ноги?

– Ты за этим меня звала?

– Нет – мама быстро вернулась к сути своего требования – смотри, мы с твоим отцом решили, что было бы неплохо над плитой все-таки сделать не плиткой, а тоже обоями.

– Вы же решили, что они от постоянного изменений холодный-горячий быстро начнут отклеиваться.

И это правда было так. Я невольно присутствовала на этой дискуссии. Отец говорил, что обои должны быть по всей

комнате, а мама со своей рациональностью резонно заметила, что когда на плите будет что-то готовится, будет нестерпимо жарко в непосредственной близости, а после этого будет открываться окно для проветривания и происходит сбой температур. От подобных скачков обои быстро начнут расклеиваться по шву, как от сквозняков. В итоге папа согласился (да и могло ли быть иначе?) и они даже купили плитку. Но теперь почему-то решили поменять решение, когда эта плитка уже была наклеена, между прочим.

– Да, но мало ли – мама отмахнулась – я пожила с этой плиткой и поняла, что проще будет переклеивать этот кусок время от времени, чем жить в подобной дисгармонии.

Обычно в нашей семье папа отвечал за эмпирическое решение вопросов, но я не стала вдаваться в подробности.

– Окей – кивнула я – если ты хотела спросить моего мнения, то..

– Нет – мама даже не стала выжидать паузу приличия ради – я хотела, чтобы ты смоталась за недостающим рулоном обоев. Мы же покупали без расчета на плитку.

– Разве не осталось остатков?

– Мы их выкинули – пожала плечами мама – кто же знал, что они пригодятся.

– Люди обычно оставляют остатки на тот случай, если вдруг что-то случится со свежими обоями.

Мне ли это замечать моей рациональной матери? Видимо, длительный ремонт здорово подкосил ее расчетливость.

– Просто возьми деньги и купи обоев в кеймарте – мама протянула мне пару баксов – точно таких же, не перепутай с тоном грецкий орех.

– А это какой?

– Каштановый.

– Ладно.

Я натянула на себя джинсы и толстовку, заранее накинув капюшон на голову. На улице было еще не так холодно, чтобы надевать дутые куртки, но и осенние наряды явно не подходили, даже если мое пешее путешествие заканчивалось на преодолении расстояния до машины. Еле застегнув белые ботинки, которые со временем приобрели оттенок «благородный серый», я схватила ключи от нашего ниссана и выбежала на улицу, едва не поскользнувшись на крыльце.

– Сраная наледь – ругнулась я.

Наледь даже хуже льда. На ней ноги разъезжаются почему-то, словно на свежевылитой горке.

Еле доковыляв до машины, я первым делом включила печку, а уж потом выехала с крыльца. Скорость небольшая, хоть шины и давно сменены на зимние. Если бы предки купили обои в уолмарте, я бы могла дойти и пешком, он не так далеко от нашего дома, но вот кеймарт находился на другой конце Портленда.

Потому я потратила немало времени, прежде чем добраться до сетевого магазина-бюджетника. Полагаю, этого звания удостоены все магазины, которые в одном помеще-

нии включают в себя и продовольствие, и технические товары, и ремонтные, и все подряд, чему не лень. В таких магазинах не удивительно, потянувшись за кошачьим кормом, получить по голове свалившейся сбоку шваброй или, еще лучше, жестяной банкой краски для пола.

Благо, в этот раз мне повезло и я без проблем нашла рулон обоев. Надеюсь, это каштан, а не какой-то там орех, о котором меня предостерегала мама. В любом случае, второй раз я не поеду, если она вдруг улицезреет в нем негодный оттенок.

Пробив его по безналу, я еле выползла с этой хреновиной из магазина. Она знатно перешивала, была значительно выше меня (тоньше, но выше) и наледь только увеличивала мои шансы распластаться прямо перед магазином. А учитывая шайку моих ровесников у входа (сюда по тому, что они смешивали редбул с виски прямо на улице, потирая заledenные руки – не самая благополучная часть нашей молодежи) – мне совершенно не хотелось водворить мои опасения в жизнь.

Я бросила рулон на заднее сиденье машины и поскорее вырулила. Наконец-то, я скоро окажусь дома вновь во власти своих собственных желаний, когда я не должна мотаться за обоями по всему городу, потому что предки не могли вовремя определиться, к чему же они более склонны – рациональности или внутренней гармонии. Инь и Янь, но они хотя бы были отдельными личностями, и в них это не бурлило

внутри ежедневно, как во мне.

Я выехала на главную трассу – конечную точку перед развилкой, на которой я ехала прямо и достигала дома. Машины проносились мимо меня, но внимание мое привлек черный минивен. Он свернул на трассу через пару минут после ее начала непонятно откуда, и держался на определенной дистанции от меня.

– У тебя просто разыгралась паранойя – хмыкнула я сама себе, делая музыку в салоне погромче – меньше смотри детективных сериалов для стариков после десяти.

Однако, минуло еще пара минут, машины либо обгоняли меня, либо ехали слишком медленно и отставали, но черный минивен продолжал держаться все на той же дистанции. Я не могла разглядеть водителя, так как солнце било аккурат в его лобовое стекло.

– Ладно, избавимся от паранойи – я начала медленно сбрасывать скорость, давая ему обогнать меня. Пускай едет.

– Что за черт..

Минивен так же стал сбрасывать скорость. Теперь-то по моей коже забегали обоснованные мурашки. Я резко вжала ногой в педаль тормоза. Моя машина остановилась на своей полосе дороги. Минивен так же затормозил в паре ярдов от меня. Я все так же не могла разглядеть, кто на водительском сидении, пусть теперь мы уже были катастрофично близко.

Я облизала губы, выжидая.

Машина не трогалась с места. Теперь очевидно, что она

меня преследует. Но зачем? И кто это? И что мне делать с этим посередине трассы. Как назло – словно все машины разом исчезли. Только мы вдвоем на пустой обледеневшей трассе.

Не могу же я стоять тут вечно?

Впрочем, до города не так уж далеко. Быть может, я успею..

Я резко вдавила ногу в педаль газа и мой ниссан, слегка вильнув, что есть мочи рванул вперед. Минивен позади меня так же резко тронулся с места, как бы принимая приглашения на гонки. Однако, никакого приглашения в помине не было – я лишь хотела от него отцепиться. Мне черт возьми, реально не по себе. Лихорадочно глядя в окно заднего вида, я заметила, что тачка преследователя ни насколько не отставала, более того – она начала разгоняться.

Я еще больше ускорила, не желая давать ему отрезать себя от трассы, но максимума, который была готова дать моя машина, не хватало, чтобы справиться с лошадьми минивена.

Он быстро приближался ко мне.

БАМ!

Он обогнал меня и жестко подрезал, из-за наледи я потеряла управление, тачка закружилась на дороге. Шум, грохот..

Темнота.

Часть первая.

–1–

Я открыла глаза, сильно щурясь, так как в них бил яркий свет. Я лежала на земле и потому пришлось приподняться, задействуя руки, чтобы присесть, а далее и встать. Земля была мягкая, словно пористая, потому складывалось ощущение, будто я проваливаюсь.

Я рефлекторно коснулась рукой головы.

Что случилось?

Наконец, глаза мало-помалу стали привыкать к свету и я смогла их раскрыть. Последнее, что я помнила – как мою машину подрезали и я потеряла управление. Если так – то где моя машина?

Передо мной виднелась лишь какая-то земля, непроглядный туман.

– Что за..

Сильно нахмурившись, я вгляделась в правую кисть руки. Еще в детстве я упала с горки и напоролась на острый камень, из-за чего сильно располосовала себе руки от большого пальца до мизинца, аккуратно по центру ладони. Этот шрам был со мной всегда, но теперь ладонь была совершенно глад-

кая, будто попка младенца. Решив, что я ошиблась, я машинально раскрыла вторую руку – но и она была без какого-либо намека на детский шрам.

Я сплю?

– Поздравляю – прозвучал справа от меня сухой голос. Он не был похож ни на один знакомый мне тембр. Он словно звучал у меня в голове, а не извне.

В следующую секунду с той стороны появился чей-то силуэт и, выйдя из тумана, он явил себя мне. Это был мужчина, на вид не больше тридцати. Все его одеяние, включая непонятный балахон, было черное – как и его волосы. Цвет глаз я разглядеть не могла, но на губах его играла скупая усмешка. Руки скрещены на груди.

Не очень-то приятный тип. Не он ли гнался за мной на том минивене? Если так, то я крупно влипла.

– Я буду кричать – предупредила я, сделав шаг назад.

Однако, моя реплика лишь развеселила преследователя. Он закинул голову назад и звонко рассмеялся, но смех этот звучал, словно какофония грома и торнадо, смешавшиеся воедино. Было ощущение, что вот-вот пойдет дождь. И что-то мне подсказывало, что ничего дружелюбного в этом смехе нет.

Смеялись *не со* мной.

Смеялась *надо* мной.

– Забавно – проговорил он, начав успокаиваться, и вновь прожег меня своим пронзительным взглядом – ну покричи,

Атиль.

Атиль? Откуда он знает мое имя? Этот вопрос уже почти сорвался с моих губ, но я вовремя сдержала себя. В какой-то передаче я слышала, что лучший способ избежать гнева ма-ньяка – это задавать меньше наводящих вопросов. Если он гордится своей осведомленностью – он сам расскажет, откуда это знает и как достал. А если нет и проговорился случайно, то своим акцентом мы лишь даем ему понять, что обратили на это внимание, а значит, наши шансы на выживание стремительно сокращаются. Как у любого, кто узнал информацию, которую знать ему было не положено, если он в качестве жертвы.

Быть может, мой преследователь не хотел дать понять, что знает мое имя, и оно сорвалось с его уст случайно. Тогда не следовало акцентировать внимание на том, что я заметила это.

Видимо, я слишком уж замешкалась, так как мужчина скучающе отмахнулся. Огоньки в его глазах сменились равнодушием.

– Да хватит тебе – из тумана вышел другой силуэт.

Им тоже оказался мужчина. Его голос был более звучный, в отличии от первого, и он явно был моложе. До двадцати пяти. И словно являл собой полную противоположность – светлые волосы, голубые глаза, все одеяние белое. Только на нем не было балахона – лишь какие-то белые брюки и такая же рубашка, скрывающая горло воротником.

– Она уже побледнела – заявил укорительно белый черному, и повернулся ко мне. Я сделала еще шаг назад, и белый примирительно вскинул руки вверх – меня зовут Дилан.

– Не перетягивай одеяло – сухо заметил черный и сделал шаг вперед, после чего повторил – поздравляю, Атиль. Давай начнем заново. Меня зовут Роленд.

– Кто вы? – я постаралась, чтобы голос звучал уверенно. Маньяки, словно собаки, чувствуют страх и расценивают его, как готовность напасть. Пока же человек внушает уверенность и готовность обороняться, они не подступятся.

Наверное.

И откуда взялся этот туман? Это уже какой-то настоящий белый смог. Я ничего не могла видеть сквозь него. Сколько там еще людей? Сколько было людей в том минивене?

– Логичнее был бы вопрос «где мы» – пожал плечами Роленд снисходительно – а еще точнее, «что случилось». Что выберешь?

Я посмотрела на парня в белом. Он поджал губы и явно был недоволен тем, что творит человек в черном, но почему-то не смел ему перечить, словно не имел на это никакого права.

– Что происходит?! – воскликнула я.

– Ты умерла – невозмутимо поведал Роленд – и попала в школу ангелов и демонов.

– Чего? – я усмехнулась – а, понятно. Это какой-то тупой розыгрыш. А вы оба знаете, какая статья за это полагается?

– Это не розыгрыш – продолжил так же сухо Роленд – но Нулевые очень редко достойно принимают реальность. Хотя от Онрат я ожидал большего.

Роленд замолчал и за его плечами резко раскрылись огромные черные крылья. Они были настолько черными, словно самая беззвездная ночь, а их концы остриями устремлялись вверх, и казалось, будто могут пронзить любого, словно копье.

Я что, сошла с ума?

– После смерти люди попадают в Рай или Ад, в зависимости от характера поступков, которые они совершали при жизни – продолжил мужчина, пока я глядела на его крылья – если чаша равновесия после смерти склоняется в сторону зла, сотворенного на земле, человек отправляется в Ад. В ином случае – попадает в Рай.

– Но есть и третья категория – заметил он, внимательно наблюдая за мной – крайне малочисленная, но так же имеющая место быть. Это люди, которые при жизни либо не совершали совершенно никаких деяний, так или иначе отражающихся на их счетчиках, либо же умудрились жить, уравнивая их.

Я ощущала некий сюрреализм происходящего, но все-таки сподобилась на вопрос.

– Уравнивая, это убил одного, но спас жизнь другому?

– Нет – мотнул голос Роленд – уравнивая, это когда результат злого поступка равняется результату доброго деяния.

– Не понимаю.

– Не так давно ты встретила на земле щенка – заметил он и тут-то я впервые осознала, что до ужаса напугана. Этим людям (людям ли?) было слишком много известно обо мне. Либо они хорошо подготовились и долго следили за мной, либо я правда тронулась умом.

Как папа это назвал? Профессиональный недуг? Я писательницей не была, но видимо, поделила это с бабушкой, как верный первый читатель.

– Ты отказалась покормить этого щенка, что является не лучшим проявлением человеческих качеств. Люди, попадающие в рай, покормили бы его. Но ты и не приняла активных действий, чтобы отговорить свою соседку помочь ему, или же склонить ее к более решительным действиям по «облегчению его страданий», что приблизило бы тебя к потенциальных скитальцам Ада. Результат твоего плохого деяния был равен результату хорошего – иначе говоря, твои манипуляции и реакции в данной ситуации никак не сказались на жизни собаки. Игнорирование – это не зло. И не добро. Понимаешь?

– Игнорирование – это безразличие, и оно не является приверженцем качества Ада или Рая – добавил Дилан, второй раз подав голос.

– И все твои решения в течении жизни были аналогичными, и в результате после своей смерти твои деяния были уравновешены, или, иначе говоря, обнулены. Люди, кото-

рые имеют за своей спиной подобное равновесие, называются здесь Нулевыми и их невозможно определить ни в Ад, ни в Рай.

– И что происходит с Нулевыми? – прошептала я.

– Нулевые проходят обучение в школе, где оцениваются их способности, наклонности и по итогу обучения их определяют в клан ангелов или демонов, где они служат на благо равновесия.

– Равновесия?

– Об этом ты узнаешь позже – ушел от ответа Роленд, продолжая звучно отчеканивать каждое слово – все, что тебе нужно знать сейчас, это то, что ты Нулевая. Твое предназначение здесь и обратного пути нет. Тебе же лучше, если ты скорее смиришься с реальностью и отпустишь свою прошлую жизнь вместе со всеми, кто там остался. Отныне твой дом тут. И от тебя зависит, кем ты станешь в итоге.

Теперь Дилан подошел обратно в Роленду и за это спиной так же появились массивные крылья, но они были белые.

– Но для начала тебе придется обзавестись крыльями – заявил Роленд и схватил меня одной рукой за запястье, вторую прижав к спине в области лопаток. Тело пронзила острая жгучая боль, словно меня препарировали, как лягушку на уроке биологии, но как я не старалась, не могла вырваться из схватки Роленда. В нем таилась на удивление огромная сила, слишком огромная.

Наконец боль ушла так же резко, как пришла, и я ощу-

тила небольшую тяжесть позади себя. На мгновение она даже принялась перевешивать меня. Тяжесть это была сходна портфелю, набитому учебниками, с которым на спине я ходила в школу все годы обучения.

Нечто тяжелое, инородное.

Лишнее.

Роленд отошел от меня, довольно оскалившись проделанной работой. Я слегка пошатнулась, пытаюсь заглянуть себе через плечо. словно под коксом, я увидела, как из моей спины вышли наружу огромные крылья. Причем росли они не просто из спины, а самым натуральным образом из кожи, будто какое-то злокачественное паразитическое образование. Они были серые – такой цвет мог бы получиться при смешении того черного, что был у Роленда, и кристально белого, что был в Дилана.

Мне не понравились крылья. Я смотрела много мультиков про фей и волшебников, и всяких, кто имеет крылья, но на деле они оказались чертовски неудобными. Они тянули назад, мешали, и вызывали дикое чувство дискомфорта.

– Здесь твои крылья – заявил Роленд – что на земле твои ноги и руки. Тебя обучат ими управляться, защищаться, нападать. Все те функции, что в твоей прошлой жизни ложились на конечности – здесь главным образом перекладываются на крылья.

Наконец, Роленд сам обернулся на парня в белом.

– Дилан твой куратор в школе. Он бывший Нулевой, окон-

чивший обучение и примкнувший к ангелам. Он введет тебя в курс дела, будет помогать первое время, объяснит основные правила и порядки, как в школе, так и во всем Поднебесье.

– Дилан – он кивнул парню – дальше ты сам.

Роленд, не дав мне сказать и слова, исчез в смоге так же быстро, как и появился. Дилан улыбнулся мне и сделал шаг вперед.

-2-

– Все нормально? – он кивнул, видя мою растерянность и враждебность одновременно – понимаю, первое время с этим сложно смириться, но Роленд прав. Чем быстрее приymeшь происходящее – тем проще будет обжиться. Вначале все равно будет непросто.

– Ты тоже был человеком? – спросила я совершенно не к месту.

– Да – улыбнулся он – я жил в Норвегии. Тенсберг, слышала о таком городе?

Нет.

– Да – солгала я – что-то такое.

– Я оттуда – он нахмурился и поправился – точнее, был оттуда. Та моя жизнь давно осталась в прошлом.

– Почему ты решил примкнуть в ангелам?

Глупые вопросы лезли из меня с поразительной простотой

и быстротой.

– Я не решал – улыбнулся он. Дилан явно был дружелюбнее Роленда. Судя по их одеяниям, Роленд был демоном.

– Я просто по ходу обучения в школе делал те или иные выборы, решения, расставлял ценности, и в результате Капитолий на основе этого определил меня к ангелам по завершению обучения. Окончательное решения не остается за Нулевыми.

Капитолий.

Что-то отдаленно знакомое. Где я уже раньше об этом слышала? Однако, как я не напрягалась, не могла вспомнить.

– Капитолий?

– Главная управляющая крепость, в состав которой входит пять серафимов. На них лежит вся ответственность за Поднебесье. Но пока тебе необязательно забивать этим голову – заявил он – для начала надо запомнить вещи гораздо более нужные. Остальное ты узнаешь по ходу в школе. Пошли.

Он поманил меня в белый смог. Я с сомнением глянула на него.

– Не бойся, просто не смотри под ноги – дружелюбно рассмеялся он – когда научишься владеть крыльями, сможешь перелетать, это гораздо более быстрее и приятнее. И уместнее. Но Нулевым разрешается поначалу пользоваться привычным способом передвижения.

– Каждому Нулевому дается личный куратор? – изогнула

я бровь, все-таки последовав за ним. С каждым шагом смог все сильнее рассеивался перед нами.

– Нулевых здесь не так много, как ты думаешь. Поверь, даже среди восьми миллиардов, не найдется и одного процента Нулевых. Вы поступаете сюда не так часто, потому да, каждому выделяется куратор.

– Бывший Нулевой?

– Удивительно, что с твоим любопытством, ты оказалась Нулевой – вкрадчиво заметил Дилан не то с удивлением, не то с порицанием – да, обычно делается так. Считается, что мы уже прошли через это и лучше сможем объяснить новеньким что к чему.

Повисло молчание.

Крылья позади вновь начали меня перевешивать.

– Все это кажется каким-то глупым сном.

– Понимаю. Привыкнешь. Странно, я был уверен, что ты-то знаешь о нас больше – добавил он тихо, будто бы сам себе.

– Почему это? – нахмурилась я, но Дилан не ответил.

– И что ты можешь сказать мне, как Нулевой Нулевому? – вновь подала я голос спустя какое-то время.

– Я уже не Нулевой. Я Ангел и это важно – заявил он резко, словно Нулевым было быть оскорбительно – скоро мы придем к школе. Тебе надо знать, что Нулевые обучаются там вместе с ангелами и демонами.

– Что? – мои брови стремительно взлетели вверх.

– Школа была создана для поддержания равновесия – ско-

роговоркой проговорил он, будто это было не важно – потому в этом и заключается ее основной смысл. Вы обучаетесь и взаимодействуете вместе. Но на деле все не так радужно – добавил он.

– Что ты имеешь ввиду?

– Понимаешь, ты здесь новенькая. Каким был и я. А ангелы и демоны были здесь рождены и выросли. Это их дом. Они значительно сильнее вас по умолчанию.

Он замолчал, какое-то время смотря в никуда.

– Они.. не особо то любят Нулевых. Люди были созданы по их образу и подобию. Улови эту мысль. Так они к вам и относятся. Как к своему подобию.

– Ангелы еще ничего. Они снисходительны и лишены тщеславия, но демоны порой несправедливы, держись от них подальше.

– Как я это сделаю, если мы учимся в одной школе?

– Хотя бы не ищи их компании нарочно – пожал он плечами – они заносчивые и высокомерные, так что добра не жди.

– Странно было бы ждать добра от демонов – усмехнулась я скорее истерично, но Дилан мой настрой оценил и наградил одобрительной улыбкой.

– Сколько длится обучение в школе?

– Это не земля, нет определенного срока. Здесь ты обучаешься, пока не станешь готова примкнуть к одной из сторон.

– А если окажется, что я никогда не готова примкнуть? Если во мне не выявятся склонности ни одной из сторон?

Что, если я так и останусь Нулевой в результате обучения?

Однако, Дилан лишь отвел глаза и вновь проигнорировал мой вопрос.

– Дилан? – возмутилась я, но он лишь пригляделся к чему-то впереди и облегченно выдохнул.

– Вот и пришли. Видишь школу?

-3-

Я посмотрела перед собой. Белый плотный смог теперь практически полностью сошел, будто пелена с глаз, и я видела огромное величественное здание, возвышающееся словно среди самих облаков. Теперь я уже не чувствовала земли под ногами, но не решалась опустить глаза вниз, памятуя совет Дилана. На какое-то мгновение даже злосчастные крылья перестали ощущаться за спиной.

Здание было высокое с острыми пиками на верхушках. Такие особняки в кино обычно обладали кучей приведений.

– Выглядит мрачновато – заметила я.

– Это ты еще в Аду не была – усмехнулся Дилан.

– То есть? – я нахмурилась, а шестеренки мои заработали – то есть сейчас мы в Раю?

– И да и нет. Школа находится в Раю, но Нулевые не имеют к нему, как и к Аду, никакого отношения. Вы живете в школе. Если сравнивать с нашим устройством на земле, то это похоже на общаги, по два человека в комнате. Располо-

жение школы никак не влияет на ваше становление. Уже при мне была парочка Нулевых, что примкнула к демонам. Все зависит лишь от ваших собственных наклонностей.

– Почему школа находится в Раю, если здесь учатся и те и другие?

Дилан нахмурился, словно я переступила какую-то черту дозволенного любопытства.

– Лекции у вас будут вести как ангелы, так и демоны – увильнул он от прямого ответа – факультеты под руководством демонов у вас будут проходить в Аду.

– В Аду?!

– Подробнее узнаешь в школе.

– На что тогда мне куратор, если ты все оставляешь на школу?

– Я не информатирую об устройстве и истории – заметил он – я лишь помогаю обжиться на новом месте и принять свое новое положение. Ни больше ни меньше.

Я фыркнула и вновь вгляделась в школу, чье массивное здание лишь увеличивалось по мере нашего приближения. Я старалась держаться уверенно и спесиво, но лишь с тем, чтобы не показать, насколько в самом деле трясутся мои поджилки и стучат зубы. Если они ждут этого от меня – то не дождутся.

– Вначале я проведу тебя в твою комнату – заметил Дилан – потом все остальное.

– Я буду жить с Нулевой?

– Я же говорил, Нулевых не так много – заметил он – сейчас на обучении ты будешь, кажется, лишь одна из трех. В школе комнаты не делятся подобным образом.

– То есть мне может в соседи попасться и демон? – я постаралась не выдать того ужаса в голосе, который поднялся во мне комом в горле.

– Они не страшны – он слегка кивнул головой, сомкнув губы – мы не воюем, а их спесивость по отношению к Нулевым лишь часть их демонической природы. Вреда они точно не причинят. Просто не старайся водить с ними дружбы.

– Разве так говорят про тех, с кем не враждуют?

– Ангелы и демоны не враждуют – сухо повторил Дилан и я поняла, что он сильно недоволен моим поведением – просто демоны пренебрежительно относятся к самим Нулевым. И я лишь даю советы, как будет лучше тебе. Ты Нулевая, не забывай об этом. Пока ты здесь самая слабая.

– Звучит оптимистично – буркнула я.

– Как есть. Ты им не ровня и они это знают. И не скрывают. Лучше и тебе об этом не забывать. Сосредоточься на учебе – так всем будет лучше.

Я хотела задать уже очередной новый нелепый вопрос, но потеряла дар речи, едва мы зашли в школу. Мне открылся огромный холл в светлых тонах, высокие потолки, фрески, лепка, окаймляющая границы потолка и спускающаяся вниз, подобно какому-то выющему плещу.

Глаз было не оторвать. Такое чувство, что попала в самую

роскошную из комнат дворца британской королевы. Заметив, что легкая улыбка вновь дернула уголки губ Дилана, я прикрыла рот. Теперь мой взгляд опустился ниже – на сам холл.

А главное тех, кто в нем был.

Вся школа – которую я могла сейчас перед собой видеть – была наполнена черно-белыми

(Инь и Янь)

пятнами.

(а что будет, если во мне не проявиться ни одна из сторон? если я так и останусь Нулевой?)

Ангелы и демоны. И совсем без страшных клыков, длинных ногтей или искривленных лиц.

– По их образу и подобию – прошептала я скорее сама себе, но Дилан меня услышал.

– Именно. Это не они похожи на нас, а мы на них.

Судя по его голосу, он сам еще не перестал до конца восхищаться этим за все время здесь.

– Сколько ты уже здесь пробыл?

– У бессмертных время исчисляется иначе – заявил он мне – но если переводить на исчисление нашей прошлой жизни, то порядком четырехста лет.

Он говорил это таким невозмутимым голосом, словно это само собой разумеющиеся.

– Четырехста лет?!

– Это еще что – усмехнулся мой куратор – многие ангелы

и демоны, рожденные здесь и обучающиеся с тобой, давно перешли за две и за три тысячи лет своего существования.

– Но они все выглядят такими молодыми.. – я озадаченно переводила взгляд с одного лица на другое – подозрительно молодыми.

Все они были словно одного возраста. Плюс-минус.

– Бессмертные не могут умереть, потому наши оболочки не стареют для дальнейшего разложения. Мы застываем в определенном возрасте, и живем в нем много лет. Здесь множество долгожителей по всем меркам, но ты на весь Ад и Рай не найдешь не единого старика.

Мы пошли вперед, в самую гущу учеников, и я смогла более близко рассмотреть их. И тогда-то мне бросилась в глаза одна особенность, которой я по первой не придавала совершенно никакого значения. Да и если честно – не разглядела вначале.

У всех демонов были красные глаза. Не такие красные, как в дешевых голливудских фильмах, когда за километр видно, словно у кота ночью. Они были благородного темно-бордового оттенка, который отдавал уловимым красным только при хорошем освещении. А у всех ангелов были небесно-голубые глаза. Никаких карих, зеленых, серых и так далее. Только красные и голубые.

Я глянула на Дилана. Точно, у него тоже были голубые глаза.

– У тебя всегда были голубые глаза? – спросила я, бес-

стыдно разглядывая его, словно какой-то экспонат.

– Нет, они меняются у Нулевых в зависимости от того, к какой стороне они окажутся причислены. Если к ангелам – станут голубыми.

–Заманчиво –протянула я. Всегда мечтала о голубых глазах.

– Ну конечно, все дело только в глазах – рассмеялся он.

Интересно, а чем, помимо очевидного, отличается рутина ангелов и демонов? Что я потеряю и приобрету, примкнув в итоге к одной из сторон?

– Теперь понятно, как бессмертные отличают меня от других – протянула я – и всех Нулевых. У нас глаза другого цвета.

– Им не нужно заглядывать вам в глаза – отмахнулся Дилан – дело в энергии. Она есть в каждом из нас, но в Нулевых она только зарождается, совсем еще маленькая. Вам ее надо тренировать и развивать. У истинных бессмертных она намного больше. Ну это помимо очевидных отличий.

– Ну да.

Я глянула на одного из парней во всем черном. Он смеялся и что-то говорил девушке в черной, но когда словил на себе мой мимолетный взгляд, то едко усмехнулся и что-то бросил своей собеседнице. До меня донеслось только:

«нулевка».

Теперь это звучало как-то оскорбительно. Да, совсем все как у людей. Еще не успел влиться в коллектив, показать

свои качества и умения, как тебя уже оценили по одному твоему происхождению. Совсем по-человечески.

Однако, Дилан уверял, что к такому суду тяготеют только демоны. Означает ли это, что люди все-таки больше похоже на них? Или какие потаенные темные уголки есть и у ангелов?

Столько вопросов и так мало ответов. Куратор из Дилана никакой. Уверена, демона было бы разболтать проще. Хотя, если верить Дилану – он бы даже говорить со мной не стал. Может, поэтому Нулевым назначают кураторов-ангелов?

Мы проходили в коридоры, следующие и следующие, и постоянно нам пути встречались черные и белые фигуры. У всех неизменно за спиной были сложены крылья – в тон стороне, с которой они происходят.

– А демонов и ангелов тоже после обучения распределяет Капитолий? – я заметила, как Дилан недовольно вздохнул. Видимо, мое любопытство начинало его тяготеть – они и их могут распределить в разные стороны?

– Нет. Рожденные демоны и ангелы навсегда остаются закрепленными за своей стороной. Да и результаты бы не показали ничего другого. Выросшие под влиянием начал своих родителей, они истинные представители каждый своей стороны.

– Тогда зачем им обучение в школе?

– Я же говорил, для поддержания равновесия.

– Что это значит?

Дилан развернулся и пристально посмотрел на меня.

– Ты задаешь слишком много вопросов, Атиль – заявил он без обиняков – лучше помалкивай, и тебе сами обо всем расскажут. А если будешь сильно выбиваться, наживешь себе проблем.

– Я думала, ангелы снисходительны – процедила я.

– Поверь, я говорю тебе об этом от чистого сердца для твоего же блага. Тебе следует прислушиваться к советам куратора, как это делают все Нулевы.

– Ладно.

Однако, что-то бунтарское внутри меня цокнуло. Надо же. Как будто интересоваться это что-то непозволительное. И вообще – почему он разговаривает со мной, словно с непослушным ребенком? Если я когда-нибудь буду назначена куратором Нулевому, я расскажу все и сразу, подробно и понятно, а не буду строить из себя недотрогу.

Наконец, в полном молчании, мы пересекли большой вестибюль и попали в другое крыло школы. Здесь были однотипные двери, но мы проходили их все. Когда мне уже показалось, что мой куратор забыл, что привел меня сюда показать комнату, он вдруг толкнул одну из последних дверей.

– Твоя комната – заявил он, и пропустил меня вперед.

Я зашла внутрь, но первым мне в глаза бросилась не пустая из двух кроватей, а занятая. На ней, развалившись в черном боди с длинными черными волосами, валялась девушка.

И на свету ее глаза отдавали темно-бордовым.

Я буквально выросла в пол. Тут же в голове услужливо всплыл насмешливый тон парня-демона из коридора:

«нулевка».

И вот теперь демоница должна была стать моей соседкой. Я приготовилось к тому, что она сейчас накинется на меня с презрительными насмешками, как предупреждал о демонах Дилан, но девушка лишь лениво откинула от себя какой-то журнальчик и довольно соскользнула с кровати.

Она была чуть выше меня, очень стройная и фигуристая. И словно зная об этом, она была облачена в ту одежду, что максимально это подчеркивало. Каждая черта ее лица была словно высечена лучшим скульптором, дабы запечатлеть для потомков на веки.

Лишь сейчас до меня в полной мере дошло понимание человеческой фразы «демоническая красота» или «дьявольская красота», у кого как употреблялось.

Она переметнула волосы, достигающие поясицы, с одного плеча на другое, и отклячив бедро, уставилась на меня с оценивающей улыбкой.

– Ты моя новая соседка? – приторно протянула она, растягивая гласные, совсем как моя мама в одном из тонов. Но у нее это звучало куда как лучше.

Если мы были их подобием – то наша версия явно была

какой-то китайской неумелой копией оригинала. Точнее, их версия. Версия людей.

Потому что больше я была не одной из них.

По крайней мере, мне об этом не уставали напоминать даже за то небольшое количество времени, что я здесь пробыла.

– Да – ответил за меня Дилан, зайдя следом – это твоя новая соседка, Асмед, так что не обижай ее.

Девушка игриво оскалилась ангелу и подошла ко мне.

– Асми, дочь демона Асмодея – протянула она, наслаждаясь моим побелевшим лицом.

Все-таки каждый раз, когда я слышу нечто подобное, я словно заново вспоминаю, где нахожусь. Их почти неотличная от нас (точнее наша от них) внешность частенько дает забывать мне об их сути, и лишь при общении я вспоминала, что нахожусь среди высших существ. Имеющих с людьми общего не больше, чем люди с обезьянами.

– Атиль – сконфуженно пробормотала я – можно просто Ати.

– А ты забавная – рассмеялась она – значит подружмся.

Я вопросительно глянула на Дилана. Подружмся? Он говорил, что демоны не хотят дружить с Нулевыми. Лицо же Дилана выражало полное неприятие данной ситуации. Он нахмурил брови, но ничего не сказал на это предложение Асми.

– Поторопись – только и бросил он мне – у тебя урок скоро

начнется. Я покажу, куда идти.

– Урок? – вскинула я брови – сейчас? Я только..

– О, это у ангела Калиго? – заливисто расхохоталась демоница – не завидую. Урок будет жаркий. Калиго не любит Нулевых.

– Чушь – оскорбленно фыркнул Дилан – он просто требователен.

– Конечно, ангелочек.

Но пока они соревновались в перебранках, у меня в голове все крутилось «Калиго-Калиго-Калиго».

Ангел Калиго.

Я точно его уже где-то слышала. Калиго.

И тут у меня словно сложился давний пазл.

Капитолий. Пять серафимов,

(Васнес, 1 из 5)

Ангел Калиго

(врх, тш)

Все они упоминались в бабушкином блокноте. Там же что-то было и про равновесие.. Все, словно из ее записок сумасшедшего.

Так неужели бабушка не была сумасшедшей? Неужели она правда уже побывала здесь раньше и это был тот самый мир «после», который она описывала? Неужели она тоже оказалась тогда из Нулевых? И все, записанное в блокноте, не несвязная ахиня, а описание реальной действительности?

Выходит ли тогда, что..

– Атиль – Дилан тронул меня за плечо и от неожиданности я вздрогнула – нам пора, ты же не хочешь опоздать на первое занятие?

-5-

Пока Дилан услужливо вел меня среди коридоров, что-то объясняя и полагая, что я запоминаю хотя бы дорогу от комнаты до кабинета Ангела Калиго, я лишь старалась удержаться на ногах. Откровение обрушилось на меня нещадной волной.

Почему я только сейчас догадалась о столь очевидном совпадении?

Выходит, бабушка уже была здесь однажды. И она ничего не выдумывала, ни трогалась умом. Она в самом деле оказалась здесь так же в роли Нулевой (а как иначе?) и даже знала, судя по разбитым заметкам, того самого ангела Калиго,

(врх, тиц)

которого предстояло сейчас встретить мне.

Звучало, как настоящее безумие.

Прошла ли бабушка в Нулевые второй раз? Или за те четырнадцать лет она успела принять какие-то решения, определившие ее в Ад или Рай? Могу ли я ее увидеть и здесь ли она вообще?

Могут ли Нулевые общаться с поселенцами Ада и Рая, по-

ка не приняли сторону?

Я молчала, потому что понимала, что ни на один из вопросов Дилан не даст мне ответа. Уж проще потом попытаться выведать их у Асми – судя по всему, она рада посплетничать. Ну, или мне так показалось – в любом случае, шансов больше, чем с Диланом.

– Тебе сюда – мой куратор слегка подтолкнул меня к двери.

– Ты пойдешь со мной? – осведомилась я.

– Да, в первый день я тебя сопровождаю, но завтра ты должна будешь разобраться с занятиями и кабинетами сама.

– Ладно.

Я, немного робея, толкнула массивную дверь.

-6-

Моим глазам предстал длинный, но довольной узкий кабинет, залитый теплым светом. По правой стороне вместо стены были огромные панорамные окна без какой-либо перекладины, в два длинных ряда стояли квадратные парты, рассчитанные лишь на одного. Почти все были заняты – черные и белые пятна, и лишь два таких же обычных, как и я. На девушке были джинсы и футболка, на парне рубашка, застегнутая на все пуговицы, и брюки. Они сидели один за другим и так скукожились, словно под гнетом этих высших существ, что их окружали.

Нулевые. Дилан говорил, что я одна из трех обучающихся сейчас. Значит, это и есть те двое. Кажется, им тоже не просто, хоть они и явно здесь не первый раз.

Неужели все время обучения нам предстоит быть изгоями? Недостойными по мнению демонов, которое они не чувствовали публично оглашать? А с учетом, что время обучения никем не оговорено, вырисовывалась вообще воодушевляющая картина.

– Проходи – шепнул мне куратор, подтолкнув вперед. Только теперь я осознала, что встала в дверях, как вкопанная, и на меня уставились все ученики, включая ангела Калиго.

Его было не трудно распознать среди прочих. Он единственный стоял в центре, его брови были сведены к переносице, и он один смотрел на меня не с любопытством или насмешкой, а с раздражением. Пепельные, как у всех ангелов, его волосы достигали плеч. Небесно-голубые глаза, широкие плечи и белый балахон. Пока что балахон из всех я видела на нем на втором. Кроме него, в нем был только Роленд, только черного цвета.

– Нулевка – услышала я насмешливый шепот со стороны черных парт, но не могла понять, кто именно это сказал.

А впрочем, есть разница?

Привыкай, Атиль. Все, как у людей. По образу и подобию.

Мне очень хотелось спешно опустить глаза и прошаркать за первую попавшуюся парту, но это означало бы эдакое по-

ражение. Значит, они смогли меня засмущать, или угнести. В общем то, что хотели.

Вместо этого, с огромными усилиями, я гордо подняла подбородок, кивнула ангелу Калиго, и уверенным, степенным шагом направилась к ближайшей свободной парте, едва сдерживая дрожь в ногах. Я нарочно села позади демона, чтобы показать, что нисколько не трепещу перед их презрением, хотя на самом деле все мое нутро сжалось и воспротивилось этому решению.

Порой те, кто кажутся сильнее всего, на самом деле просто безудержные трусы, решившие что-то поменять.

Мое решение развеселило ангела Калиго. Раздражение сменилось легкой усмешкой одним уголком рта, после чего он обратился ко мне.

– Атиль Онрат, верно?

Демоны передо мной тут же изумленно зашептались. Тот, что сидел перед самым моим лицом обратился к подружке спереди.

– Онрат? Это не та ли Онрат, что..

– Тишина! – прервал всеобщий гул Калиго, не отрывая от меня взгляда – продолжим урок.

И больше он ни разу не обратился ко мне, хотя я то и дело ловила на себе его пронзительный взгляд. Не знаю, что я умудрилась не так сделать, но этот Калиго явно меня невзлюбил, хоть открыто это и не показывал из-за своего положения.

Дилан умогился за партой позади меня, а пару раз на занятии я ловила на себе любопытные взгляды демонов и то и дело слышала среди них свою фамилию. Ангелы проявили больше такта – я не застала ни одного из них за моим бестактным разглядыванием или обсуждением. Если они это и делали – я этого не видела и не слышала.

На занятии я толком ничего не поняла, да и Калиго ничего особенного не сказал. Закончилось все тем, что он и вовсе разделил нас.

– После перемены ангелов и демонов жду у водоворота, Нулевые идут на историю.

Он вновь насмешливо глянул на меня, словно ожидая реакции.

Водоворот? Что за водоворот, и почему туда идут только ангелы и демоны, а мы, три несчастные калеки, должны идти на историю?

Я нахмурилась ему в ответ, но Дилан уже встал из-за парты и подошел ко мне, призывая тоже подниматься.

– Что за водоворот? – спросила я у него, когда мы уже вышли в коридор – и почему мы туда не идем?

Я думала, что Дилан вновь примется меня учить держать язык за зубами, но он благосклонно пожал плечами, даже демонстративно не вздыхая.

– Водоворот позволяет бессмертным возвращаться на землю – начал он, но заметив мои возбужденные глаза, тут же осёкся – не в своем облике, разумеется, и на очень крат-

кий промежуток времени. Для выполнения того или иного задания.

– Задания?

– Да. Чтобы склонить человека в ту или иную сторону.

– Что это значит?

– Ты думаешь, мировые тираны наших прошлых жизней такими рождались? Между прочим, мать твоей соседки лично нашептывала Гитлеру на ухо, так что даже на земле люди мало что решают, по большому счету. Конечно, ангелы и демоны не заставляют насильно принимать то или иное решение, но как правило, людей очень просто убедить поступить так, как угодно нам.

– И в каком облике мы возвращаемся на землю?

– Не вы, а мы – поправил он меня – в самых разных. Но обязательно умерших людей. Бессмертные не могут принимать облик живых на земле.

Я уже открыла рот для главного вопроса, но Дилан меня проницательно опередил.

– Нет, Нулевым строго запрещается пользоваться водоворотом. Только после определения Капитолием к одной из сторон и закрепленным статусом, ангелы и демоны могут возвращаться на землю. И только для выполнения той или иной миссии. И только под руководством вышестоящего бессмертного, как ангел Калиго, к примеру. И вообще, с Водоворотом шутки плохи, за него очень строгие наказания.

– Но есть какой-то способ? – простонала я и глаза Дилана

расширились от ужаса.

– Даже не вздумай – предупредил он – тебя вышвырнут из школы взащей.

– И что тогда будет?

– Небытие.

– Небытие?

– Туда попадают изгнанники и преступники. Бессмертные не могут умереть, потому они просто «рассыпаются». Смерть людей ведет за собой продолжение их жизни «после». В небытие ничего нет. Это бездна, из которой нет возврата, продолжения или воскрешения. Но для рожденных бессмертными есть наказания и страшнее.

– Страшнее небытия? Что может быть страшнее небытия?

Дилан промолчал и я поняла, что мой лимит вопросов исчерпан, но не намеревалась сдаваться.

А какой толк от бессмертия, если я нахожусь так близко с возможностью увидеть свою семью, маму, папу, свой дом, но не могу сделать это из-за каких-то идиотских правил? В чем тогда вообще проявляются привилегии?

– Ты не понимаешь! – разозлилась я – меня убили! Кто-то преследовал меня на земле и нарочно подрезал. Я должна узнать, кто это сделал.

– Ты тщеславна – устало заявил Дилан – тебе никак не дают покоя твоя земная жизнь. Ты настолько ей дорожишь, что никак не можешь успокоиться. Пойми же, Атиль – он легонько тряхнул меня за плечи – теперь твоя жизнь – эта. Твой

дом – этот. Время отречься от прошлого, иначе тебя ждут проблемы.

– Да что ты понимаешь! – я сбросила его руки.

– Действительно, что – заявил он – я же не был таким же Нулевым, как и ты, что я могу понимать. Это ты многого не понимаешь, Атиль. Поднебесье не то место, где стоит качать свои права. Тем более новоприбывшей Нулевой, пусть и Онрат.

– Онрат – спохватилась я, вспомнив, что вызвало такой интерес у демонов в классе. Тему о водовороте я решила оставить до встречи с Асми – что ты знаешь об этом?

Но Дилан лишь сжал губы и мотнул головой. Мы как раз подошли к двери, открыв мне которую, мой куратор позволил выйти во двор. Это был прекрасный зеленый дворик перед школой. С этой стороны стены школы обвивали различные зеленые растения с прекрасными белыми бутонами, очень похожими на розы, только с фиолетовой середкой внутри, которая в тени становилась розовой.

Там и здесь на лавочках сидели ангелы и демоны, я вздохнула полной грудью.

– Прекрасное место – заявила я Дилану и он улыбнулся.

– Да, я обожаю здесь проводить время.

Но не успела я вновь попытаться пристать к нему с расспросами (пусть не думает, что я быстро сдамся), как послышался рев. Нечто похожее я слышала, когда смеялся Роленд – будто гром и торнадо схлестнулись вместе. Только этот был

куда громче и сильнее. Будто из него самого исходила бешеная мощь его обладателя.

Мы с Диланом одновременно повернулись к источнику звука. Демон схватил за грудки какого-то ангела, но тот несколько не уступал ему. С аналогичной мощью он ухватил демона за плечи. Они что-то цедили друг другу, но весь воздух словно был наэлектризован.

Не знаю, как здесь, но на земле этим двоим было бы очень близко до серьезной драки. Видимо, здесь все было так же, потому что Дилан обеспокоенно ринулся к ним.

– Вот черт! Только не они!

– Кто они? – крикнула я, побежав вслед за Диланом к этим двоим, вокруг которых уже образовалась компания по интересам, соответственно ангелов и демонов, улюлюкающих каждого за своего.

-7-

Подбежав ближе, я уже могла рассмотреть их лучше. Волосы ангела были стянуты аккуратным хвостом сзади, голубые глаза горели непривычной ненавистью, а пальцы вцепились в плечи демону. Черные волосы демоны были короткими, торчащими в разные стороны. Его глаза теперь приобрели тот самый голливудский ярко-красный цвет вместо благородного бордового. Его желваки играли.

Что они умудрились не поделить?

И почему стоящие полукругом прочие ангелы и демоны не вмешиваются?

Я обратила внимание, что черты лица ангела более мягкие, закругленные, придающие ему более дружелюбное и располагающее выражение лица (но не сейчас, конечно). А черты лица демона более острые и жесткие – скулы, челюстные углы.

– Это ваше с ним дело, отвали от меня! – кричал ангел.

– Шавка всегда знает первой о командах хозяина! – язвительно цедил демон.

– Ну да, тебе бы не знать! – парировал ангел.

– Не сравнивай нас! Мой отец Сатана, а не какой-то школьный учитель!

– Что ты сказал?!

И вот момент X. Ангел уже был готов кинуться на демона, а тот уже только и ждал этого, толпа ревела и гудела, как между ними в последнюю секунду буквально вклинился Дилан.

– Прекратите! – крикнул он всем, а не только этим двоим – что вы здесь устроили?

Ангел тряхнул головой и неохотно сделал шаг назад, но демон лишь ехидно ухмыльнулся, глядя на Дилана.

– Знай свое место, Нулевка – бросил он и толкнул его плечом, пройдя мимо, выбираясь из круга.

– Я давно Ангел, Катус – процедил Дилан ему вслед едва слышно – если у тебя с памятью проблемы.

Однако, демон, очевидно, его услышал, потому что резко повернулся и схватил рукой за шею.

– Не думай, что я стану всегда спускать с рук твое своеволие. Помни, к кому обращаешься. Когда-нибудь ты договоришься – он отпустил его и усмехнулся – Нулевка.

Я хотела подбежать и помочь встать Дилану, но не могла сдвинуться с места, пока демон окончательно не исчез из виду. Он выглядел настолько яростным и жестким, что я, будучи Нулевой, боялась даже показаться ему на глаза. Что, если он и ко мне приложиться, как к Дилану? Я-то даже не стала пока никем, как он.

Но как только демон ушел, я подбежала к своему куратору. К этому моменту он уже успешно поднялся и отряхивал брюки, выглядя не особо-то расстроенным.

– Все в порядке? – обеспокоенно спросила я – прости, я побоялась подойти, пока..

– И хоть когда-то правильно сделала – кивнул он – иначе бы нам обоим подбросила еще проблем.

Все настолько серьезно?

– Кто они? Почему они сцепились?

Дилан кивнул мне на дерево, возле которого мы и сели. Его брюки все равно безвозвратно испачкались, но он не огорчился и этому. Он вообще не предал произошедшему большого значения, словно это было в порядке вещей.

– Так не со всеми – пояснил он – у ангелов и демонов такого нет. Так только с ними – Дилан вздохнул – зато посто-

янно. И наша задача – как можно реже допускать их публичные столкновения. Это плохо влияет на.. репутацию школы – сбивчиво пробормотал он.

– Но почему они так ненавидят друг друга? – вскинула я брови.

– Они два самых сильных ученика школы. Их силы практически равны. Ангела зовут Лито. Он сын ангела Калиго, у которого был урок.

– Демон – это Катус – продолжил Дилан – Он сын Сатаны.

– Это который.. – я сглотнула – Дьявол?

– Зовут его по разному, но суть одна. Владыка Ада.

– И здесь учиться его сын?

– Это было обязательным условием равновесия. Естественно, Катус выпячивается, считает себя избранным, лучше всех и все в этом роде из-за своего отца. И не признает конкурентности Лито. Для него унизительна сама мысль соперничества с сыном учителя. А Лито тоже не уступает, ему не все так просто дается, как Катусу, и он защищает свои умения. И на этот счет у них постоянно происходят стычки, Катус переходит на личности, как и полагает демонам, и заканчивается все открытым конфликтом. А это последнее дело.

Дилан глубоко вздохнул.

– Никогда не вставай между ними. Их ненависть сожрет тебя – предупредил он.

– Но ты встал – заметила я – и вроде целый. Только брюки

немного измазались – улыбнулась я.

– Я не шучу – заметил он – я Ангел, и это еще сдерживает Катуса. Хотя он и называет меня Нулевым, но не хуже меня знает, что по всем правилам я уже Ангел, хочет он с этим считаться или нет. Если бы встала на пути ты, то просто оказалась бы внутри этого урагана. И поверь мне, хорошего там мало.

Я поежилась. Перед глазами встало разъяренное лицо Катуса, играющие желваки. Как он схватил за горло Дилана.

Верю. Хорошего там мало.

– Почему он так ненавидит Нулевых? – уточнила я – ты говорил, что демоны не считаются с нами, но он же просто.. не знаю.. терпеть нас не может?

– Он спесив – пожал плечами Дилан – его бесит, что бывших смертных пытаются наградить теми же правами, что рожденных бессмертными. Это его проблемы. Ты здесь не при чем и считаться с его бзиками не должна. Но и идти в контр не надо. Просто не попадайся на его пути нарочно. А если и прицепится, когда меня не будет – игнорируй и уходи.

Он внимательно смерил меня взглядом.

– Ни в коем случае никогда и ни за что не ввязывайся в спор с Катусом. Ни при каких обстоятельствах, чтобы он не сказал. По крайней мере, хотя бы пока ты Нулевая.

– Ладно – согласилась я – и не собиралась.

Дилан встал и кивнул мне.

– Пошли. Пора на историю. Думаю, там тебе будет инте-

ресно.

– Почему?

– Там ты получишь ответы на большинство вопросов, что так нетерпеливо задавала мне на протяжении всего дня.

-8-

По пути на историю, Дилан свернул в другую сторону от коридора, ведущего в кабинет ангела Калиго. Вспомнив его суровый взгляд, я задумалась – какого это быть его сыном? Это лишние привилегии, поблажки или наоборот дополнительный груз ответственности? Всегда нужно оправдать ожидания отца, всегда нужно быть лучшим, всегда нужно.. доказывать что-то таким высокомерным типам, типо Катуса, которые ни в чем отказа не знали.

Так ли уж хорошо быть сыном Калиго? Вновь вспоминаю его пронзительные глаза. Думаю, минусов больше, чем плюсов. Когда мы уже подошли к кабинету истории, я поняла, что испытываю некоторое сочувствие к Лито, хоть и не знала его. Вместе с этим во мне появилось раздражение к Катусу.

Знать бы, что означали пометки бабушки.

«Ангел Калиго – врх, тц».

Про Лито и Катуса там точно не было ни слова, но была парочка имен, которые я пока так и не услышала.

– Проходи, садись, Атиль – из мыслей меня вывел мягкий женский голос.

Я подняла голову. Я что, опять застыла на пороге? Да уж, надо что-то с этим делать, иначе вскоре ко мне приклеится подходящее кличка, вдобавок к «нулевке».

Ко мне обратилась женщина во всем белом, что заставило меня сделать вполне недвусмысленным вывод касательно ее природы. Ангел. А где же те многообещающие заверения о том, что вести у нас занятия будут так же и демоны?

Однако, сейчас я была рада, что историю будет вести она. Она дружелюбно мне улыбалась, да и казалась, в отличии от Калиго, искренне милой и понимающей. Перед ней уже сидели те парень и девушка Нулевые, которых я видела на предыдущем уроке. Они, в отличии от женщины, дружелюбными совсем не выглядели.

Очевидно, они уже образовали свой кружок «отверженных» и принимать в него меня совсем не собиралась. Пф, да и больно надо было. Мне и с Диланом неплохо.

Однако в памяти услужливо всплыло напоминание, что на занятиях Дилан меня сопровождает только сегодня, а завтра мне уже придется ходить самой. Думаю, тогда-то мне по-настоящему и придется пожалеть, что в первый день я не завела хоть каких-нибудь знакомств.

Я села за одну из парт. Их было гораздо меньше, чем в кабинете Калиго. Очевидно, бессмертным не нужно слушать про историю, потому что они и так прекрасно знают историю места, в котором родились и выросли. А Нулевых, как сказал Дилан, здесь никогда не бывало много.

– Раз все здесь, можем начать – улыбнулась женщина и вновь обратилась ко мне – меня зовут Селита.

Я кивнула. Дилан сел справа от меня, так как в кабинете Селиты немногочисленные парты стояли иным образом. В ширину, а не в длину. Я не могла видеть, что он делал на предыдущем уроке, но могла наблюдать за тем, что делает теперь, когда видела его, а не ощущала взгляд спиной. Я не была уверена, что ему интересно, что тут говорят и рассказывают. Ведь однажды он это уже слышал – когда сам был Нулевым. Но пока на его лице читалась явная заинтересованность слушателя, когда Селита подошла к большой фреске, на которую я только сейчас обратила внимание. Фреска была невысокая, но добротная в длину. На ней было изображено множество ангелов, демонов и еще всякого, чего я не могла понять.

Но я сосредоточилась. Дилан сказал, что сейчас я получу большинство ответов – если так, то я должна ловить для этого каждое слово Селиты, не пропуская ничего.

– Как вы знаете, началось все сущее с Финубуса – мягко проговорила она.

Финубус – создатель. Так было указано в бабушкином блокноте.

– Создатель – неосознанно сказала я вслух и лишь услышав голос поняла, что он принадлежит мне. Нулевые удивленно повернулись ко мне, после чего что-то шепнули друг другу, презрительно глядя на меня. Я повернулась к Дилану

и увидела, как он неодобрительно на них поглядывает.

Ага, значит таким «радушием» пылают все-таки не ко всем новоприбывшим Нулевым. Интересно, значит мне особенно везет сегодня.

Но вместо того, чтобы возмутиться, я лишь вздернула подбородок повыше и изобразила свое совершенно равнодушие к этой парочке. Это не я потеряла их внимание, а они мое. Ничего, за земную жизнь я привыкла обходиться без друзей – а судя по всему, Поднебесье не сильно от нее отличается. В каких-то аспектах.

– Именно – растерянно улыбнулась мне Селита – все верно, милая. Финубус – наш создатель. Создатель всего – рая, ада и земли.

– А где он изображен здесь? – уточнила я, вглядываясь во фреску, и Дилан нетерпеливо толкнул меня локтем. Я возмущенно глянула на него и он демонстративно сжал губы, как бы призывая меня к молчанию.

– Его здесь нет, ведь никто не знает, как он выглядит – смущено поведала она – Финубус создал все и оставил нас, своих детей – он решил, что его созданиям нужно научиться самим отвечать за себя. Как птицы покидают гнездо, так и мы должны были научиться жить собственными решениями.

Селита перешла к правой стороне фрески, где изображалось что-то нехорошее, но что – однозначно сказать было нельзя. Много темного фона, какая-та путаница.

– Но Ад и Рай были нестабильны – сокрушенно прогово-

рила Селита – каждый из них пытался перетянуть одеяло на себя и уничтожить другую сторону для прекращения дальнейшего соперничества и посягательств. Каждый хотел стать единоправным владыкой Поднебесья. И тогда настали темные времена.

Селита вздохнула и глянула поочередно на каждого Нулевого, включая меня.

– Начались бесконечные войны, приносившие лишь боль, кровь и невообразимые потери обоим сторонам. Будто сама природа противилась подобному укладу – на земле начались катаклизмы, забирающие сотни жизней и превращающие планету непригодной для существования всего живого. В Поднебесье то поднималось пекло, при котором не могли жить даже демоны, то наступал невообразимый холод, забравший крылья у ангелов, оставляя их на произвол судьбы. И тогда к бессмертным пришло осознание, что без гармонии рушится весь мир, и без добра и зла в равной степени существовать невозможно.

– У медали всегда должны быть две стороны – наставительно проговорила она – так же и в мире: должны существовать как добро, так и зло, иначе все погибнет. Это закон равновесия. И тогда было решено создать школу ангелов и демонов, благодаря которой в мире будет сохраняться гармония, а между Раем и Адом посредством детей наших будет восстановлено прежнее взаимопонимание и содружество.

Не очень-то у них вышло, учитывая, какую картину я на-

блюдала во дворе. Как Катус высокомерно отзывался о Лито, о его отце? Хотя, может дело не в демонах – а в одном только Катусе? Ведь и на земле нельзя судить всех людей по одному лишь испорченному звену.

– Ангелы и демоны начали работать сообща – заключила Селита – для сохранения Равновесия, добра и зла, жизни и смерти. Во имя общего блага и мира, созданного для нас, детей его, Финубусом.

Она переходила от одной части фрески к другой, указывая поочередно на кого-то, но я ничего не понимала. Однако, в один из таких моментов заметила краем глаза на себе любопытный взгляд Дилана. Чего он ждал? Хотел увидеть мою реакцию?

Я редко показываю эмоции на людях. Со стороны я могу показаться невозмутимым сухарем, даже если безмерно рада, огорчена, удивлена или испугана.

– Однако есть черта, за которую нельзя преступать – впервые строгим голосом заявила Селита и я вновь увидела на себе взгляд Дилана – Ангел не может быть с демоном, а демон с ангелом. Поскольку вы Нулевые и еще не определены Капитолием, вам запрещено сближаться как с одной стороной, так и с другой.

Что за бред? Мои брови стремительно взлетели вверх. Запрещено общаться, но при этом селят в одну комнату, создают общие занятия, всячески нас смешивают?

Но в следующую секунду я поняла, что речь шла о роман-

тических чувствах. Выходит, демоны с ангелами не могут создать совместных семей, отношений и так далее.

– Но почему? – сорвался с моего языка вопрос, возмущенно застывший в мыслях.

Селита растерянно вздрогнула, что-то нечленораздельно промычала, Дилан несколько раз толкнул меня локтем, раздраженный пуще прежнего моим поведением, после чего Селита сообщила нам, что урок окончен.

Меня просто проигнорировали?

Здесь это в порядке вещей? Нулевые за пустое место? Почему она не ответила на этот элементарный вопрос. Ведь у каждого запрета всегда есть причина. Неужели сложно было рассказать, по какой был наложен этот запрет?

Я раздраженно вздохнула и поднялась из-за парты первая. Вслед за мной из кабинета вылетел Дилан и тронул за руку.

– Я же говорил тебе держать язык за зубами, Нулевая.

– А еще ты говорил, что здесь я получу ответы – я выдернула руку, вперившись в него взглядом и не отводя глаз под натиском небесной голубизны – но я получила лишь еще больше вопросов. Почему мне просто не могут отвечать? Почему я должна молчать и лишь послушно кивать?

– У тебя всегда был такой бурный нрав? – осведомился он.

– Называй, как хочешь, но я не собираюсь с этим мириться.

– С чем именно?

– Что меня игнорируют.

– Тебя не игнорируют. Ты просто слишком много себе позволяешь для первого дня. Не хочешь для начала посмотреть, как следует себя вести? Как ведут себя остальные Нулевые?

– А почему бы мне не равняться на демонов? – распаленно бросила я, желая задеть Дилана – на Катуса, например? Он не особо следит за словами и действиями, но все еще учится в школе. Почему бы мне не равняться на него?

– Потому что Катус рожден бессмертным, и пора бы тебе понять, что это играет здесь существенную роль, пока ты не определена. Ты Нулевая, и он выше тебя по рангу.

Я уже раскрыла рот, чтобы продолжить эту нелепость, порождающую во мне множество противоречий, как и всегда, моими Инь и Янь, одна из которых хотела быть сдержанной и покорной, а вторая желала возмущаться неравным отношением ко мне, как дверь кабинета вновь открылась.

Из нее спешно вышли те двое Нулевых, косясь на меня, после чего показалась Селита. Она глянула на меня и сдержанно улыбнулась.

– Атиль, можно тебя на минуту?

Меня? Неужели меня заметили.

– Да, конечно – я отошла от Дилана и зашла в кабинет за ангелом. Она закрыла дверь и дружелюбно глянула на меня, с какой-то теплотой.

– Ты ведь Онрат? – проговорила она.

– Да.

– Твоя бабушка.. она ведь умерла, верно?

– Верно – кивнула я и почувствовала, что сердце начало сильнее биться. Она хочет поговорить со мной о бабушке. Она знала ее? Где она сейчас?

– Твоя бабушка – Аврора, обучалась в этой школе – заявила она мягко – она была необычайно способной ученицей.

Она говорит про первый или второй раз?

– Она здесь? – перебила я ее.

Селита неуверенно дернула плечиками.

– Ты знаешь, кто такие Серафимы, Атиль?

(серафимы – высшие ангелы, наиболее приближенные к Финубусу)

Так указывалось в блокнотных пометках бабушки.

– Высшие ангелы – без запинки сообщила я.

– Да, они ближе всех к Финубусу. На данный момент во всем Поднебесье всего пять Серафимов. Все они восседают в Капитолии, главной управляющей башне, несущей ответственность за все Поднебесье.

– И?

– Атиль, твоя бабушка – один из этих пяти Серафимов. А среди Серафимов никогда за всю историю Поднебесья не было Нулевых..

В комнату я вернулась только вечером, крайне уставшая

и озадаченная. Асми все так же валялась на кровати, словно никуда и не выходя, и ни чем не занимаясь. То, что она где-то все-таки проводила это время, кроме своего ложа, показывал сменный наряд. Теперь это было не боди, а прозрачное короткое платье такого же глубокого черного цвета. Мало того, что оно само по себе было прозрачное, так еще и всевозможные вырезы достигали самых границ. Интересно, у нее вся одежда такая открытая? Это необходимость демонов, как горловины у ангелов, или личные предпочтения, никак не связанные с причастной стороной?

– О, вернулась – протянула она лукаво, разглядывая меня – и как тебе первый день?

– Бывали и лучше – призналась я.

– Неужто на земле лучше, чем здесь? – продолжала забавляться она, скорее надо мной, чем со мной.

– В некоторых моментах здесь что-то очень похоже. Все такие же сплетники.

– А, успела познакомиться с демонами – рассмеялась она заливисто, и встала с кровати – да ладно, не дуйся на нас. Мы так знакомимся, дружеские приколы все дела. Зато мы не лицемеры, как.. – она замолчала и закусил губу.

– Как ангелы? – нашла я – а меня все пытаются убедить, что вы друзья.

– Мы хорошо ладим – подтвердила она – просто.. забей, это не важно.

Асми перекинула длинные черные волосы назад и подо-

шла к изголовью моей кровати, изящно оперевшись на него.

– Ты кстати уже думала, кем хочешь быть?

– М?

– Ангелом или демоном?

– Я думала, это решает Капитолий.

– Так и есть, но ты же можешь чего-то хотеть. Какая сторона тебе больше приглянулась? – демоница изогнула бровь.

– После встречи с Катусом – многозначительно проговорила я, подмяв под себя ноги в человеческой позе – очень сложно судить объективно.

– А, Катус – мечтательно улыбнулась она – да, он славный.

– Славный? – фыркнула я – да ты смеешься! Он хам и выскочка.

– Не больше, чем Лито – раздраженно проговорила Асми, возвратившись к своей кровати – знаешь, как ему сложно приходится.

– Ну да, быть сыном Сатаны невообразимая ноша в Поднебесье – закатила я глаза. Наверное, не лучшая идея была спорить с демоницей по поводу демона, тем более, если я была о нем не лучшего мнения, но меня так часто затыкали и игнорировали на протяжении дня, что я просто не могла себя унять.

Я не столько даже хотела доказать свою правоту, сколько просто высказаться. Без остатка, остановок и остережений. Сказать все, что думаю, не опасаясь за результат.

– Это ответственность – осадил меня – знаешь, как

жестоко Сатана наказывает Катуса за любой промах? Даже самый маленький? Как игнорирует даже самые значимые его достижения, но истязает за любой незаметный погрех.

– Это он тебе рассказал?

Удивительно, как она всему этому поверила.

– Это я видела.

Я изогнула бровь. Выражение лица Асмеды немного смягчилось и она слегка улыбнулась своим воспоминаниям, которые, очевидно, сейчас пронеслись перед ней.

– Мы с ним вместе играли в детстве, когда мой отец занимал высокий пост. Когда меня только баловали, Катуса уже изнуряли тренировками и систематическими наказаниями. Сатана требует от него слишком многого – Асми закусил губу и пожала плечами – так и надо, ведь он его сын и показывает пример нам. Но.. это непросто.

– Ведет он себя совсем иначе.

– Он сильный, но это не значит, что у него нет слабых сторон.

– Почему вы не общаетесь тогда сейчас?

– Наши пути разошлись – скомканно заявила соседка – мой отец совершил оплошность, его сдвинули с места, а потом.. Да и по рангу не положено.

– Я думала, вы одного ранга. Ты ведь тоже демон.

– Одного ранга с Катусом? – она вскинула брови и рассмеялся – да ты что. Сразу видно, Нулевая.

Я нахухлилась. Да, если вначале дня я еще не понимала,

почему так оскорбился Дилан, когда я сказала, что мы оба Нулевые, то теперь стало понятно. Нулевая – или нулевка – страшное оскорбление в Поднебесье, хотя одновременно с тем оно просто указывает позицию в иерархии. Однако, с каждым разом слышать это все более неприятно.

– Он оскорбил Лито не за что – заявила я Асми – может, вы просто как демоны не хотите видеть минусы своего же, или для вас это не минусы, а повод для гордости, но Катус кичлив и высокомерен. Он никого и в грош не ставит.

– Не думала же ты, что он станет мириться с таким, как Лито?

– Чем тебе не нравится Лито?

– Я не говорила, что он мне не нравится – поспешно добавила Асми – я просто сказала, что не стоит лишь демонов считать ужасными. Ангелы тоже не такие белые и пушистые.

Я распласталась на кровати, решив, что на этом вся наша «дружба» закончена. Да, было неразумно обвинить демона в его неправоте перед другим демоном. Они друг за друга горой, как выяснилось, или дело в том, что Асмед и Катус дружили в детстве? Так или иначе, я явно выбрала не то место и не того демона для поднятия этой темы.

Однако, уже в следующую минуту Асми как ни в чем не бывало поднялась со своей кровати и вновь присела ко мне, словно мы ни о чем и не спорили.

– Скажи же, Дилан просто зануда? – протянула она – как он тебе?

Не хотелось признавать правоту Асми, но Дилан и правда не слишком то мне помог сегодня. Почему он сам не рассказал мне про бабушку, когда я спросила? Было очевидно, что он знает. Почему не мог все прояснить, а только советовал побольше молчать?

Судя по остальным, только он считает молчание благом. Та же Асми не прочь поотвечать на мои вопросы. Может, демоны и правда не так уж плохи, а просто более свободолобивы и проще во взглядах, не отягощаемые нормами и принципами?

– В целом не все так плохо – усмехнулась я, не желая принимать позицию демоницы о неидеальности ангелов – но он постоянно требовал меня соблюдать молчание.

– О, все в его стиле – закатила она глаза, оскалившись – он был самым занудным Нулевым. Все метил выше, но никак не мог понять, что перспектива не базируются на зубрении.

– Но его поставили моим куратором.

– Куратором над Нулевым? Думаешь, это особо престижно? – повела она бровью и ловко встала, подойдя к окну – не думаю.

– Хотя.. – добавила она – ты не обычная Нулевая.

– О чем ты?

– Ну – Асми повернулась и ухмыльнулась – твоя бабушка ведь Серафим.

– И что с того?

– Что с того? Это большая честь и гордость. Она одна из

пяти управленцев Капитолия.

– Какой с этого толк, если я даже не могу ее увидеть? – нахмурилась я.

Асми равнодушно пожала плечами.

– К тому же, не особо-то меня чествуют. Нулевые даже не захотели со мной общаться, а демоны надо мной смеются.

– А ты чего хотела? Многие демоны считают, что твоя бабушка заняла пост незаслуженно. Думаешь, рожденным бессмертными понравилось, что их судьбы стала вершить бывшая Нулевая? Какая-та смертная? Не сказать, что она пользуется большим авторитетом, но это не отнимает самого факта ее ранга.

– Да уж.

Я принялась перебирать свои пальцы. Наконец, я все-таки решила вернуться к вопросу, который оставляла специально для своей соседки.

– Асми – окликнула я ее – а что ты знаешь о водовороте? Есть какой-нибудь способ пробраться туда без разрешения и наставника?

-10-

Глаза Асмеды азартно загорелись. Она улыбнулась и вновь вернулась ко мне на кровать. Сколько она уже сделала кругов такой траекторией? Моя кровать, ее, окно? Я же за все это время даже позу не поменяла.

– Водовороту? – она сладко протянула последнюю гласную – захотела взглянуть на свою прошлую жизнь? Тяга большинства Нулевых.

Еще бы. Может потому, что я пока не считаю свою земную жизнь прошлой? Для меня скорее новая ипостась чужеродна, а не мой дом в Портленде, где остались родители. Уверена, рожденным бессмертными никогда не понять тягу Нулевых к своей земной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.